

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ЛиМКК
_____ /Л.В. Куликова/
« _____ » _____ 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЛИТЕРАТУРНО-НАРРАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК
ОТРАЖЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ Я И ДРУГОГО**
(на материале романа I. Brezna “Die undankbare Fremde”)

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01 Лингвистика и межкультурная коммуникация

Магистрант

Е.Ю. Микалаускайте

Научный руководитель

д-р филол.наук, проф.
Л.В. Куликова

Нормоконтролер

Е.В. Дитерле

Красноярск 2016

АННОТАЦИЯ

Тема магистерской диссертации – «Литературно-нарративная коммуникация как отражение проблемы межкультурного взаимодействия Я и Другого (на материале романа I. Brezna “Die undankbare Fremde” (2012)).

Ключевые слова: литературно-нарративная коммуникация, дискурсивная обработка, ксенонарратив, культурная чужеродность, функции.

Цель: выявление функций ксенонарратива как основы процесса литературно-нарративной коммуникации, вербализующего проблемы культурной чужеродности.

Задачи: 1. Изучить классические и современные работы в области нарратологии для формирования теоретической базы работы. 2. Проанализировать научные труды, рассматривающих коммуникативную сторону нарратива для выявления сущности литературно-нарративной коммуникации. 3. Описать роль и особенности ксенонарратива в процессе литературно-нарративной коммуникации. 4. Выделить способы дискурсивной обработки, реализующиеся на разных языковых уровнях, а также в описании чужих культурно-конвенциональных особенностей. 5. Исследовать функции ксенонарратива, актуализирующиеся в романе И. Брежна «Die undankbare Fremde».

Актуальность: необходимость более тщательного изучения функций нарративного текста в межкультурном аспекте.

Основные выводы и результаты исследования:

1. Под литературно-нарративной коммуникацией понимается разноуровневый диалог между участниками литературно-опосредованного взаимодействия средствами художественного нарратива: между автором и читателем на внешнетекстовом уровне, повествователем и слушателями, героями на внутритекстовом уровне.

2. Ксенонарратив выступает как дискурсообразующий элемент литературно-нарративной коммуникации, который вербализует проблемы лингвокультурной чужеродности. Ксенонарратив выполняет особые функции, актуальные для условий межкультурного взаимодействия.

3. Дискурсивная обработка культурной чужеродности как функциональная рамка литературно-нарративной коммуникации - это комплекс коммуникативно-языковых средств для рефлексии процесса адаптации и вербального трансфера пережитого опыта с целью преодоления негативной аккультурации.

4. Основной прагматической интенцией автора ксенонарратива является минимизация стресса адаптации. В результате исследования выявлены следующие функции литературно-нарративной коммуникации: самоидентификация, формирование вторичной языковой личности, трансфер ментального опыта, преодоление стереотипного представления о культуре мигрантов.

ANNOTATION

Title: “Literary-narrative communication as reflection of the intercultural problem of self/other (based on the novel “Die undankbare Fremde” (2012) by I. Brezna)”.

Key words: literary-narrative communication, discursive treatment, xenonarrative, cultural otherness, functions.

Aim: the description of functions of xenonarrative, which verbalizes the problems of cultural otherness.

Objectives: 1. To investigate the scientific approaches in the field of narratology to compose theoretical foundation. 2. To analyze the scientific approaches in the field of communicative aspects of narrative to identify the main point of the literary-narrative communication. 3. To describe the role and the features of xenonarrative in process of the literary-narrative communication. 4. To distinguish the means of the discursive treatment, which are realized on different language levels. 5. To investigate the functions of xenonarrative in the novel «Die undankbare Fremde» by I. Brezna.

Actuality: The necessity to investigate the functions of narrative text in intercultural aspect.

Main conclusions and results:

1. The literary-narrative communication is a dialogue on different levels between participants of literary interaction by using the narrative means: between an author and a reader on external level of a text, between narrator and narrators, between heroes on internal level.

2. Xenonarrative is an element of the literary-narrative communication, which verbalize problems of the cultural otherness. Xenonarrative has special functions, which are relevant for intercultural communication.

3. Discursive treatment of the cultural otherness as functional frame of the literary-narrative communication is a complex of communicative and language means to reflect on the adaptation process and to transfer an experience for the purpose of overcoming the negative acculturation.

4. The main pragmatic intention by an author of xenonarrative is minimization of the adaptation stress. Identified functions of the literary-narrative communication: self-identification, forming of derivative language personality, transfer of mental experience, overcoming of stereotype view on migrant’s culture.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ЛИТЕРАТУРНО-НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ	9
1.1. Нарратология как область гуманитарного знания	9
1.2. Подходы к нарративу в коммуникативно-дискурсивном направлении лингвистических исследований	16
1.2.1. Теория повествовательных уровней	18
1.2.2. Уровневая организация нарратива как способ литературной коммуникации	20
1.2.2.1. Повествовательные инстанции автора	21
1.2.2.2. Повествовательные инстанции читателя	24
1.2.3. Анализ дискурса как аспект нарратологической теории	28
1.3. Ксенонарратив как дискурсообразующий элемент литературно- нарративной коммуникации	32
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	34
ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ЛИТЕРАТУРНО-НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА I. BREZNA “DIE UNDANKBARE FREMDE”)	35
2.1. Дискурсивная обработка культурной чужеродности как функциональная рамка литературно-нарративной коммуникации	35
2.2. Функциональный подход к организации нарратива	42
2.2.1. Идентификационная функция	48
2.2.2. Формирование вторичной языковой личности	58
2.2.3. Ксенонарратив как трансфер ментального опыта	68
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	76
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	78

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития лингвистической мысли такое направление науки, как нарратология, прочно вошло в ряд классических областей, имеющих сформированную теоретическую базу, широкий понятийный аппарат, разработанную методологию. Однако и сегодня в нарратологии есть место новым исследованиям, описывающим неизвестные до этого типы нарративного текста, особенности его структуры, содержательные характеристики и многое другое.

Актуальность данной работы определяется необходимостью более тщательного изучения функций нарративного текста. Именно нарративная форма коммуникации является одной из самых продуктивных для выражения человеческой мысли. Поэтому функциональный подход к исследованию нарративного текста позволит приблизить нас к пониманию интенций человека как субъекта речевой деятельности. Изучение функций нарратива в условиях межкультурной коммуникации усиливает актуальность работы, поскольку современная наука проявляет большой интерес к исследованию национальных культурных особенностей. Нарративный текст наиболее полно способен продемонстрировать и вербализовать человеческий опыт адаптации и решения проблем, связанных с межкультурным взаимодействием.

Объектом исследования выступает литературно-нарративная коммуникация в контексте межкультурного взаимодействия.

Предметом исследования являются функции литературно-нарративной коммуникации и ксенонарратива как её дискурсообразующего элемента, которые актуализируются в условиях межкультурной коммуникации.

Материал исследования – роман чехословацкой писательницы И. Брежна «Die undankbare Fremde», изданный в 2012 году на немецком языке. Роман представляет собой литературный нарратив от первого лица, в котором героиня описывает собственный опыт адаптации в чужой стране. Избранный материал соответствует решению поставленной проблемы – недостаточного

изучения функций нарративного текста, поскольку роман является классическим образцом нарратива о взаимодействии двух культур. Продуктивный материал для исследования специфических функций нарратива в условиях межкультурной коммуникации позволяет сформулировать цель настоящего исследования.

Цель работы – выявление функций ксенонарратива как основы процесса литературно-нарративной коммуникации, вербализующего проблемы культурной чужеродности.

Поставленная цель требует выполнения ряда задач:

1. Изучение классических и современных работ в области нарратологии для формирования теоретической базы работы
2. Анализ научных трудов, рассматривающих коммуникативную сторону нарратива для выявления сущности литературно-нарративной коммуникации
3. Описание роли и особенностей ксенонарратива в процессе литературно-нарративной коммуникации
4. Выделение способов дискурсивной обработки, реализующихся на разных языковых уровнях, а также в описании чужих культурно-конвенциональных особенностей.
5. Исследование функций ксенонарратива, актуализирующихся в романе И. Брежна «Die undankbare Fremde»

Гипотеза исследования заключается в предположении о существовании особых функций литературно-нарративной коммуникации, реализующихся только в условиях межкультурного взаимодействия.

Методологической базой исследования послужили труды зарубежных и отечественных ученых в области нарратологии (W. Labov, J. Waletzky, Ц. Тодоров, В. Шмид, Ж. Женетт, В.И. Тюпа, Е.Г. Трубина, М.Ю. Олешков, Е.А. Попова), отечественных формалистов (В.Я. Пропп, В.Б. Шкловский, Б.В. Томашевский), лингвистов (М.М. Бахтин, Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова), работы по теории межкультурной коммуникации (W.B.

Gudykunst R.W. Casson, E.T. Hall, O.A. Леонтович, Л.В. Куликова), а также в области прагмалингвистики (Т. Ван Дейк, И.П. Сусов, А.А. Гаврилина, М.Б. Бергельсон). Их труды позволили сформулировать теоретические основания для настоящей работы, а также сформировать методологический подход к исследованию литературно-нарративной коммуникации.

Методами анализа в работе стали нарративный анализ – тематический и структурный подходы, а также контекстуальный и дискурсивный анализ.

Функциональный подход к изучению текста выступает в данной работе основополагающим. Согласно А.Э. Левицкому, функциональный подход предусматривает «анализ теологической природы языковых явлений на основе их семантики и структуры, взаимодействия с другими единицами, категоризации и назначении в речи» [Левицкий, 2010: 3]. Мы выявляем функции ксенонарратива на основании аналитического изучения имеющихся научных источников; методов интроспекции и индукции; выделения повторяющихся языковых и дискурсивно-описательных элементов текста; собственного пресуппозиционного фона, сформированного ресурсом теории межкультурной коммуникации. Под функцией в данной работе мы понимаем роль, задачу высказывания, направленную на выполнение цели, определяемой автором, или, иначе, коммуникативную направленность автора.

Результаты настоящей магистерской диссертации были представлены на Международной научной конференции «Проблемы современной лингвистики и литературоведения» (г. Кемерово, 7 июля 2015 г.). Основные положения исследования опубликованы в 2 журналах, включенных в Перечень российских рецензируемых научных журналов.

Структура работы соответствует теме, цели и задачам исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы. В первой главе рассматриваются понятия литературно-нарративной коммуникации и ксенонарратива как её дискурсообразующего элемента. Во

второй главе исследуются функции ксенонарратива, реализующиеся в романе I. Brezna “Die undankbare Fremde”.

На защиту выносятся следующие положения:

5. Под литературно-нарративной коммуникацией понимается разноуровневый диалог между участниками литературно-опосредованного взаимодействия средствами художественного нарратива: между автором и читателем на внешнетекстовом уровне, повествователем и слушателями, героями на внутритекстовом уровне.
6. Ксенонарратив выступает как дискурсообразующий элемент литературно-нарративной коммуникации, который вербализует проблемы лингвокультурной чужеродности. Ксенонарратив выполняет особые функции, актуальные для условий межкультурного взаимодействия.
7. Дискурсивная обработка культурной чужеродности как функциональная рамка литературно-нарративной коммуникации – это комплекс коммуникативно-языковых средств для рефлексии процесса адаптации и вербального трансфера пережитого опыта с целью преодоления негативной аккультурации.
8. Основной прагматической интенцией автора ксенонарратива является минимизация стресса адаптации. В результате исследования выявлены следующие функции литературно-нарративной коммуникации: самоидентификация, формирование вторичной языковой личности, трансфер ментального опыта, преодоление стереотипного представления о культуре мигрантов.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ ЛИТЕРАТУРНО-НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1.1. Нарратология как область гуманитарного знания

Вплоть до второй половины XX века нарратология (термин введён Ц.Тодоровым) воспринималась как наука, изучающая преимущественно литературный текст. Однако восьмидесятые годы XX века ознаменовали собой начало "нарративного поворота" в социальных науках. Категория нарративности получила широкое распространение в специальных и междисциплинарных исследованиях, обрела богатое концептуальное наполнение. Исследователи, изучающие нарратологические принципы, цели и достижения (Ж. М. Адам, Ж. Женетт, Т. Павел, Ш. Римон-Кеннан, Дж. Принс) связывают факт расширения горизонта исследований и значительного увеличения их количества в этой области с осознанием важности повествований в человеческой жизни, с пониманием, что они сосредоточены не только в литературных текстах и повседневном языке, но и в научном дискурсе, что нарратологические понятия и аргументы используются не только в областях исследования, связанных с художественной литературой.

При таком подходе можно говорить о разных теориях нарратива с разной трактовкой рассматриваемой категории, разной классификацией, типологией, терминологической базой. Все исследователи, рассматривая проблему нарратива с философской, политической, социологической и многих других точек зрения, опираются на труды античных мыслителей (Аристотеля, Платона), представителей отечественной школы формалистов (В.Я.Проппа, Б.В.Томашевского, В.Б.Шкловского, Б.М.Эйхенбаума), французских структуралистов (К.Леви-Стросса, А.-Ж. Греймаса, Ж.Женетта, К.Бремона, Ц.Тодорова), в связи с чем можно говорить о единстве теоретической базы, но не о единстве трактовки главных понятий. Однако

все авторы одинаково определяют суть нарратологии – фундаментальные принципы повествования, задающие его способность обладать значением.

«Нарратив» происходит от латинского «narrare» – «рассказывать, повествовать» и этимологически связан с латинским словом gnarus, то есть «знающий», «эксперт», «осведомлённый в чём-либо», восходящим, в свою очередь, к индоевропейскому корню gna- («знать»). До первого века н. э. термин narratio использовался как технический термин, обозначающий часть речи оратора, следующей за провозглашением тезиса. Впоследствии термин был расширен и означал уже изобретательное рассказывание историй, которое также рассматривалось как часть риторики. Слово «наррация» означает «дать устный или письменный отчёт о чём-то, рассказать историю» [Трубина, 2002: 9].

«Минимальное» определение нарратива дано Барбарой Хернстейн Смит: «кто-то рассказывает кому-то, что что-то произошло» [Smith, 1981: 26; цит. по Трубина, 2002: 16]. Традиционно нарратив понимается как текст, описывающий некую последовательность событий; то же, что история, рассказ, повествование.

Согласно определению Б.В. Маркова в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки», нарратив – «понятие, фиксирующее способ бытия повествовательного текста, в котором сознание и язык, бытие и время, человек и мир оказываются тесно взаимосвязанными. <...> Говорящий субъект, выступая держателем нарративных кодов, тематизирует и упаковывает события, тем самым финализируя их» [Марков, 2009. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/464]. Это означает, что обязательными критериями нарратива являются наличие говорящего субъекта – нарратора, употребление прошедшего времени (или маркеры последовательности и длительности), использование эпизодической информации [Бергельсон, 2005], а также наличие в центре повествования события с обязательными структурными составляющими: завязкой, тематической, последовательной,

логической связью событий и развязкой и личным отношением повествователя.

Цветан Тодоров впервые использовал термин «нарратология» только во второй половине XX века, но само направление исследования нельзя назвать новым: описание принципов повествования восходит к античным риторикам. Предшествующими категориями, имеющими отношение к нарратологической проблематике, выступают «повествование», «изложение» и «рассказ». Именно этими сущностями оперировали до конца XX века – до периода, когда нарратив приобрел самостоятельное эпистемологическое значение.

В трактатах Аристотеля «Поэтика» и «Риторика» впервые были представлены понятия «изложение» и «повествование», которые позднее стали учитываться в нарратологически ориентированных исследованиях. Следует отметить, что внимание Аристотеля было направлено на приемлемость изложения и повествования для аудитории и шире – на целеполагание повествователя.

В русских риториках В.Т. Плаксина, М.Ф. Пуле, Н.М. Ливанова, А.И. Галича XII – начала XX вв. Изучение целей и интенций говорящего подлежит дальнейшему развитию. Наряду с этим внимание авторов риторик привлекают вопросы, касающиеся: а) отличительных черт повествования как типа речи; б) особенностей построения повествовательных текстов; в) типологии повествовательных жанров. Иными словами, исследователи заостряют внимание не только на правилах осуществления повествования, но и на его свойствах и формах реализации. Подобное расширение числа изучаемых проблем демонстрирует осознание авторами риторик того факта, что формулирование правил должно основываться на понимании свойств повествования (знание качеств повествования как механизма трансляции точки зрения автора способствует текстовой оптимизации). Авторами русских риторик был сделан значительный вклад в изучение качеств, обеспечивающих влиятельность

повествования, – целесообразности, последовательности и связности [Артёмова, 2008].

В лингвистике и литературоведении начала XX века в связи с изменением научной парадигмы целеориентированный аспект изучения повествования вытесняется формальным, в результате чего повествование рассматривается с точки зрения его структурных признаков, а исследователей интересует только форма художественных повествовательных произведений.

В работах формалистов выдвинуты следующие проблемы: установление единиц повествовательного текста, выявление типов связей между ними и описание приемов управления читательским вниманием.

Активное изучение повествования в литературоведении и лингвистике XX века было задано публикацией в 1928 году «Морфологии волшебной сказки» В.Я. Проппа, в которой автор исследует форму повествовательных текстов. В исследовании представлена попытка установления закономерностей повествовательного текста через выделение сегмента действия – функции, понимаемой автором как «поступок действующего лица, определённый с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп, 2001: 22].

Другой аспект, разрабатываемый в «Морфологии волшебной сказки» состоит в описании порядка функций и способов их сцепления. В.Я.Пропп так же, как и Аристотель, и авторы русских риторик, выделяет два типа связи элементов повествования: хронологический и казуальный. Хронологическая связь элементов события отождествляется автором с «правильным чередованием», а каузальная связь характеризует «ход» сказки.

Продолжение намеченного В.Я. Проппом пути было осуществлено в трудах таких русских формалистов, как Г.А. Гуковский, Б.В. Томашевский, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум. В их исследованиях обстоятельному анализу подвергается формальная организация текста, а содержание

оказывается в исключительно подчинённом положении: «Форма создаёт для себя содержание» [Шкловский, 1983: 37].

Вклад формалистов в разработку нарратологической проблематики состоит в разграничении таких понятий, как «фабула» и «сюжет». Трактовка фабулы как материала и сюжета как формы актуальна, потому что демонстрирует способы оперирования событийным рядом. Так, Б.В. Томашевский понимает фабулу как «совокупность событий в их взаимной внутренней связи», а сюжет как «художественно построенное распределение событий в произведении» [Томашевский, 1999: 119].

Таким образом, в рамках формальной школы произведение рассматривается как целое, но исследования повествования как композиционной формы и особого типа текста не проводится. Заслуга формалистов состоит в установлении единиц повествования и развитии идей о способах оперирования событийным содержанием.

В литературоведении интерес к художественному нарративу привёл к возникновению новой дисциплины – нарратологии. Особую роль в её становлении сыграли труды французских структуралистов Р. Барта, К. Бремона, А.-Ж. Греймаса, Ж. Женетта.

В их трудах впервые применяется понятие нарратива. Целью ряда исследований стало создание универсальной модели нарратива, и в связи с этим были установлены единицы и закономерности конструирования нарратива, обеспечивающие его конструирование. Однако в их исследованиях термины «нарратив» и «повествование» не дифференцируются и рассматриваются как синонимы и полностью взаимозаменяются.

В данной работе мы также рассматриваем понятия «нарратология» и «теория повествования», а также «нарратив» и «повествование» как синонимичные. А нарратологию как научное направление мы рассматриваем в широком смысле – не ограничивающейся художественной литературой, но охватывающей все возможные типы нарративов – и принимаем самое общее

определение нарратологии вслед за В. Шмидом: «Нарратология – это теория повествования» [Шмид, 2003:9].

Наиболее полно модели нарратива как структуры повествовательного текста и повествовательного акта представлены в работах Р. Барта и Ж. Женетта.

Ж. Женетт предлагает трёхуровневую модель создания нарратива: «1) «история» – для повествовательного означаемого или содержания; 2) «повествование» – для означающего, высказывания, дискурса или собственно повествовательного текста; 3) «наррация» – для порождающего повествовательного акта и, расширительно, для всей в целом реальной или вымышленной ситуации, в которой соответствующий акт имеет место» [Женетт, 1998: 310]. <...> Именно в этой модели указывается необходимость разграничения повествования как готового текста и как процесса/акта, обозначаемого термином «наррация». В современной лингвистике данный термин не закрепился, однако проведённая дифференциация является ценной, особенно в связи с изучением речевых актов.

Р. Барт осуществляет структурный анализ нарратива как повествовательного текста, предполагающий смысловое членение целого на единицы.

Опыты Ж. Женетта и Р. Барта по созданию универсальной модели повествовательного дискурса иллюстрируются исключительно художественными текстами, что, по мнению Т. В. Артёмовой, «снижает их эвристическую ценность при осмыслении способов отражения события в нехудожественных жанрах. Кроме того, Ж. Женеттом и Р. Бартом рассматриваются тексты с повествовательной доминантой, а тот факт, что повествование как тип речи часто сопряжено с описанием и рассуждением, в полной мере не берется в расчёт. Более того, в их работах не формулируется определение повествовательного текста» [Артёмова, 2008: 28].

Тем не менее труды французских структуралистов оказали значительное влияние на изучение нарратива, поскольку в них исследуется

процесс конструирования нарратива как повествовательного текста, и выделяются его элементы. Их идеи легли в основу современных исследований в области нарратологии.

Исследователи в этой области за последние 30 лет глубоко изучили теорию повествования. В «Словаре нарратологии», изданном в 1988 году, Дж. Принс использует этот термин в двух значениях.

Во-первых, нарратология – это «родившаяся под влиянием структурного подхода теория нарратива. Нарратология изучает природу, форму и функционирование нарратива (независимо от формы репрезентации) и пытается описать нарративную компетенцию. В частности, она изучает то общее, что имеют все нарративы и только нарративы (на уровне сюжета, повествования и их отношений), так же, как и то, что отличает их друг от друга, и пытается объяснять способность порождать и понимать их» [Prince, 1988: 65].

Во втором значении нарратология изучает нарратив в качестве «вербальной формы представления ситуаций и событий, организованных во временном плане. В этом, более узком, смысле нарратология не рассматривает сам по себе уровень сюжета, а фокусирует внимание на возможных отношениях между сюжетом и нарративным текстом, рассказом и нарративным текстом, сюжетом и рассказом. Специально она исследует проблемы времени, модальности и позицию (голос) [Prince, 1988: 65].

Таким образом, нарратология как наука о повествовании берет начало в Античности, в трудах Аристотеля и Платона о риторике. Исследователи занимались изучением процесса рассказывания в прагматическом отношении вплоть до XX столетия, до смены научной парадигмы. Отечественные формалисты и зарубежные ученые-структуралисты анализировали нарративную структуру, описывали отдельные элементы, развивали идеи о способах конструирования содержания. Эти многочисленные работы сформировали глобальную теоретическую базу для современных

представлений о нарративе в русле антропоцентрического подхода к изучению языка и текста.

1.2. Подходы к нарративу в коммуникативно-дискурсивном направлении лингвистических исследований

Парраллельно с развитием формального и структурного подхода в области нарратологии формируется коммуникативный подход к нарративу. Это было обусловлено появлением коммуникативного аспекта в исследованиях литературного процесса в европейской и отечественной гуманитарной науке в конце XIX века . Коммуникативный подход сменил креативизм и стал новым фундаментом неклассической парадигмы художественности.

В России впервые о коммуникативной деятельности в творчестве заговорил Л.Н. Толстой в трактате «Что такое искусство?» По его мнению, искусство – это способ не прямой коммуникации, духовного взаимодействия людей.

Эту идею продолжает М.М. Бахтин, утверждающий в своих работах, что полноценное «Я» человека может сформироваться лишь в диалоге с другими.

На основании этих идей художественное произведение определяется как коммуникативный акт между тремя участниками: автор-герой-читатель.

Автор, согласно характеристике В.Л. Шуникова, – «субъект, обладающий креативными полномочиями», который организует коммуникативное событие. Читатель – «носитель рецептивной функции», реализует это событие, что предполагает «определенную открытость, конструктивную неполноту произведения, располагающую реципиента к сотворчеству». В произведениях собственный процесс внутримирной коммуникации организует субъект слова (и поступка) – герой. Он способен коммуницировать и с автором, и с читателем» [Шуников, 2006: 12-13].

Процесс коммуникации, идущий внутри мира произведения и становящийся «медиатором» во взаимодействии автора с читателем стал определяться понятием «повествование».

В коммуникативном аспекте повествованием может считаться произведение, которое соответствует ряду критериев:

1. К нарративным причисляются тексты, имеющие нарратора (субъект повествования), обладающего «голосом» и получающего доминантное право излагать всё происходящее в произведении, оценивать персонажей, их внешность, поступки, речь и окружающий фиктивный мир.

Нарратор оказывается опосредующей инстанцией между миром произведения и как читателем, так и автором. Так, К. Фридеманн отмечает: «Нарратор дает нам мир не таким, каким он существует сам по себе, а таким, каким он прошел через посредство некоего созерцающего ума» [Фридеманн, 1965: 26; цит. по: Шмид, 2003: 13].

С этой позиции повествование противопоставлено декларативному, предполагающему фактуальную достоверность, высказыванию. В такого типа высказываниях предполагается фиксация действительных фактов непосредственно, без внесения личностной оценки.

2. Повествование обладает референтным планом, содержание которого есть история – событие, неидентичное самому речевому действию.

Таким образом, нарративная интенциональность высказывания состоит в связывании двух событий – референтного (поведываемого, свидетельствуемого) и коммуникативного (само свидетельствование как событие) – в единство художественного, религиозного, научного или публицистического произведения в его, по выражению Бахтина, событийной полноте. М.М. Бахтин раскрывает мысль о двуплановости событийности в нарративе, выделяя «событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания...» [Бахтин, 1986: 403].

Большинство исследований в области теории повествования можно условно разделить на два направления – теорию повествовательных уровней

и теорию анализа дискурса. Используя одну и ту же понятийную базу, они различаются постановкой задач и сформулированными постулатами.

1.2.1. Теория повествовательных уровней

Основатели теории повествовательных уровней, этого более раннего направления – авторы «Erzähltheorie» – Э. Лайбфрид, Ф.К. Штанцель, В. Фюгер, В. Шмид и другие. Их идеи нашли развитие в трудах французских структуралистов (Ж. Женетт, М. Баль), русских формалистов (Б.В. Томашевский, В. Жирмунский) и структуралистов (Б.О. Корман, Б.А. Успенский).

В рамках теории повествовательных уровней термин «нарратив» тоже получает различные толкования, как в узком, так и в широком понимании.

В узком смысле нарратив трактуется как особая дискурсивная единица. У. Лабов и Дж. Валетский называют нарративом «вербальный способ представления повествований, соответствующий временной последовательности событий». В дальнейшем они дают новое определение: «неформально нарратив – устный рассказ, обычно от первого лица о чьём-то личном впечатлении. Формально мы можем определить нарратив (по крайней мере, английский нарратив) как передачу прошлого опыта и его значения с использованием последовательности предложений в прошедшем времени, где их порядок отражает реальную последовательность событий» [Labov W., Waletzky J., 1973: 13; цит. по: Андреева, 2006: 118].

Однако нарратив может реализовываться не только в вербальной форме. По словам В.И. Тюпы, «предмет нарратологического познания может включать в себя любые – не только художественные и даже не только вербальные – знаковые комплексы, манифестирующие неслиянность и нераздельность двух событий: референтного (некоторая история, или фабула) и коммуникативного (дискурс по поводу этой истории)» [Тюпа, 2001: 7-8]. В таком смысле нарративными могут считаться не только литературные

произведение с «фикциональной квазисобытийностью», но и музыкальное произведение, и скульптура.

В таком же смысле понимает нарратив Р. Барт в своей статье (1987): «В мире существуют бесчисленные формы нарратива... повествуют миф, легенда, басня, сказка, новелла, эпопея, история ... витраж, кинематограф, комикс, газетная хроника, бытовой разговор» [Барт, 1987: 387].

Исследователи расширили понимание нарратива, однако центральное место в описываемой теории занимает категория повествовательных уровней. И.П. Ильин даёт такое определение: «Повествовательные уровни – это теоретические конструкты, дающие, по мнению представителей нарратологии, схематизированное представление о процессе художественной коммуникации, в ходе которого лингвистический текст превращается в литературное произведение» [Современное зарубежное литературоведение, 1996: 95]. Важно обратить внимание на различное понимание уровневой организации нарратива у исследователей. Нарратологи, в отличие от структуралистов, делают акцент на коммуникативной природе этих уровней. Для них это прежде всего уровни коммуникации, на которых общаются друг с другом главные повествовательные инстанции (отправитель и получатель художественной информации) в специфической для каждого повествовательного уровня форме.

Количество повествовательных уровней может быть очень велико, например, в ситуации вставной истории, «рассказа в рассказе». Однако задачей нарратологии является не выявление мельчайших уровней, а описание макроуровней, обеспечивающих коммуникацию всего произведения в целом и включающих в этот процесс также реального автора и реального читателя.

Первым коммуникативно ориентированную схему повествовательных уровней и соответствующих им повествовательных инстанций предложил В. Шмид, переработавший идеи М. Бахтина, У. Бута, Ф.К. Штанцеля и Л. Долежела. Затем она усовершенствовалась и дорабатывалась

Р. Варнингом, Х. Линк, М. Баль, Я. Линтвельтом, Дж. Принсом. Восходящая к Шмиду "модель вертикального разреза повествовательной структуры" предполагает четыре уровня коммуникации: 1) внетекстовой, где происходит опосредованная другими уровнями коммуникация между реальным автором и реальным читателем ("эмпирически историческими лицами"); 2) внутритекстовой уровень абстрактной коммуникативной ситуации, где реализуется коммуникация теоретических конструктов абстрактного, или имплицитного автора и абстрактного читателя; 3) внутритекстовой уровень фиктивной коммуникативной ситуации, где коммуницируют "фиктивные" автор и читатель, т.е. эксплицитные повествовательные инстанции, выступающие в виде персонажей; и 4) уровень "мира в тексте", на котором возникают многочисленные коммуникативные ситуации между актерами. Таким образом, Шмид в "изображенном мире" (*dargestellte Welt*) выделял также и "цитируемый мир" (*zitierte Welt*) для обозначения еще одного "мира", воссоздаваемого дискурсом романых акторов [Шмид, 2003: 27].

Более подробно на изучении повествовательных уровней в нарратологии, роли автора и читателя, нарратора и наррататора в произведении мы остановимся в следующем параграфе.

1.2.2. Уровневая организация нарратива как способ литературной коммуникации

Литературная коммуникация, как и всякая коммуникация, предполагает взаимодействие Я и Другого. Такая связь в художественном тексте проявляется на нескольких уровнях: на внешнетекстовом – это диалог между автором и читателем, на внутритекстовом – между повествователем и персонажами или между самими персонажами.

И нарратологи, и структуралисты считают текст структурой из множества уровней. Ключевое свойство такой формы – это коммуникативная природа этих уровней, общение отправителя и получателя сообщений. Конкретный автор и конкретный читатель произведения не

имеют непосредственного канала коммуникации, они общаются через текст, с помощью повествовательных инстанций, существующих внутри текста.

1.2.2.1. Повествовательные инстанции автора

Опираясь на работы признанных нарратологов (М. Бахтина, У. Бута, Ю. Лотмана, Л. Долежела, Ф. Штанцеля и др.), В.Шмид в фундаментальном труде «Нарратология» ([Шмид, 2003]) предложил коммуникативно ориентированную модель повествовательных уровней и соответствующих им повествовательных инстанций. Эта схема выглядит следующим образом: конкретный, реальный автор создает литературный текст, внутри которого присутствует абстрактный автор и описывается фикциональная действительность. В рамках изображаемого мира действует также фиктивный нарратор, создающий повествуемый мир с персонажами. Внутри повествуемого мира может существовать цитируемый мир. Повествовательные инстанции в литературном тексте могут сливаться друг с другом, что затрудняет их вычленение из контекста.

Остановимся более подробно на характеристике каждой повествовательной инстанции. В. Шмид описывает повествовательные инстанции, начиная с тех, которые имеются в любом сообщении, не только повествовательном.

Конкретный автор – реальная историческая личность, создатель произведения. Мы, однако, не можем рассматривать эту повествовательную инстанцию в пределах нарратологии: мы о нем ничего не знаем непосредственно, вся информация о нем доходит до нас через тексты (данного произведения или какие-либо другие, например, письма, дневники, воспоминания и т.д.), т.е. мы представляем себе не его самого, а его образ. [Шмид, 2003:25]. Образ автора – это уже следующая инстанция – абстрактный автор.

Абстрактный автор – образ создателя произведения, воплощенный в его творческих актах. Элементы этого образа содержатся в произведении, одновременно именно этот образ (а не конкретного автора) реконструирует читатель, когда, читая текст, представляет себе его автора.

«Абстрактный автор» (в англоязычной терминологии – *implied author*, в терминологии Жерара Женетта – имплицитный автор, *auteur impliqué*) обозначает, с одной стороны, независимо существующий семантический центр произведения, ту точку, в которой сходятся все творческие линии текста. С другой стороны, это понятие за абстрактным принципом семантического соединения всех элементов текста признает некое творческое начало, чей замысел – сознательный или бессознательный – осуществляется в произведении. То есть абстрактный автор – это обозначаемое всех тех знаков текста, которые указывают на то, что у этого текста есть адресант.

Абстрактный автор, в отличие от фиктивного нарратора, не является изображаемой инстанцией (а, наоборот, изображающей), он не относится к фиктивному миру произведения. Ему нельзя приписать ни одного отдельного слова в повествовательном тексте (все слова порождаются фиктивным нарратором). Его слово – это весь текст во всей его целостности, текст как единый коммуникативный акт.

Абстрактный автор существует в тексте виртуально, поэтому его существование двояко: он задан в тексте объективно как инстанция отправителя, но, с другой стороны, он конкретизируется читателем, зависит от субъективных актов восприятия и осмысления текста читателем. Другими словами, абстрактный автор – реконструкция, создаваемая читателем в процессе осмысления им текста.

Абстрактного автора можно определить в двух аспектах: а) в аспекте текста – это олицетворение его конструктивного принципа, создающее этот текст как целостный коммуникативный акт, б) в аспекте внетекстового, конкретного автора – это след конкретного автора в тексте, его внутритекстовый представитель [Шмид, 2003:25].

«Повествовательный жанр, как отмечает В. Шмид, отличается от других жанров тем, что внешняя коммуникативная структура «автор — изображаемое — читатель» как бы повторяется внутри изображаемого мира в структуре «фиктивный нарратор — повествуемое — фиктивный читатель»» [Шмид, 2003:37]. Рассмотрим сначала инстанцию адресанта изображаемой нарраторской коммуникации — фиктивного нарратора.

Как замечает А.Е. Белоусова, для нарратологов главное значение имеют эксплицитно присутствующие в тексте повествовательные инстанции. К ним относится, в первую очередь, основная повествовательная инстанция — нарратор (рассказчик, повествователь), ответственный за вербализацию, т. е. выражение в языковой форме художественной информации [Белоусова, 2010: 15].

В работе В. Шмида фиктивный нарратор — адресант всех сообщений текста. Он отбирает события фиктивного мира, слагает из них историю, вводит свою систему оценок в текст, подбирает слова персонажей и, в случае косвенной и несобственно-прямой речи, передает их, подвергая своей (нарраториальной) обработке. Все элементы текста, которые специально указывают на «образ автора», отсылают не к конкретному и даже не к абстрактному автору (т.к. они не могут быть элементами изображаемого мира), а к нарратору. [Шмид, 2003:37].

Фиктивный нарратор может быть изображен эксплицитно (называет свое «я», рассказывает историю своей жизни, излагает образ своего мышления) или имплицитно (не обладает субъективными чертами). Фиктивный нарратор может быть антропоморфным или нет (лошадь Холстомер у Л.Н. Толстого), личностным или нет (обладает своими индивидуальными речевыми характеристиками или является только повествовательной инстанцией; тогда это фактически та инстанция, которую Женетт называет «нулевой фокализацией»).

Вслед за Жераром Женеттом, разграничившим несколько типов нарратора по отношению к диегесису (повествуемому миру), Шмид предлагает аналогичную схему, но с упрощенной терминологией:

- первичный нарратор – повествователь основной или обрамляющей истории;
 - вторичный нарратор – повествователь вставной истории;
 - третичный нарратор – говорящий персонаж (и его цитируемый мир).
- [Шмид, 2003:45].

Кроме того, на теории Женетта основано разграничение нарратора с точки зрения его присутствия в двух планах изображаемого мира – в плане повествуемой истории (диегесиса) и в плане самого повествования, акта рассказывания (экзегесиса). Диегетический нарратор присутствует в обоих планах, а недиегетический – только в плане экзегесиса.

Диегетический нарратор, соответственно, распадается на две инстанции – повествующее «я» и повествуемое «я». Повествующее «я» остается нарратором, повествуемое «я» становится персонажем. Это важно для текстов, где идет рассказ от первого лица, а также для инстанций вторичного и третичного нарратора.

1.2.2.2. Повествовательные инстанции читателя

Среди исследователей повествовательных инстанций нет единого мнения об их количестве в тексте. Относительно читательских инстанций их мнения расходятся еще больше. Собственно, проблема разграничения различных типов внетекстовых читателей выходит за пределы интересов нарратологии в узком смысле слова и является прерогативой рецептивной эстетики.

Сущность категории читателя как адресата речевого общения, в том числе в литературе, изучается в исследованиях, посвященных категории

адресованности (Ю.М. Лотман, В.В. Богданов, Н.И. Формановская, И.Д. Чаплыгина, Е.И. Бударagina)

И. Д. Чаплыгина предлагает несколько оснований для классификации адресата:

- 1) тип речевой ситуации (диалогический и монологический адресат);
- 2) ситуативная роль адресата (активный и пассивный);
- 3) возможность получения адресатом сообщения (потенциально возможный и потенциально невозможный адресат);
- 4) количественный состав (единичный и массовый адресат);
- 5) тип речевых взаимодействий между людьми (адресат устного или письменного сообщения);
- 6) характер референции (конкретный, частно-обобщенный и универсально-обобщенный адресат);
- 7) способ выражения адресованности (эксплицитный и имплицитный адресат);
- 8) степень реальности роли адресата (фактический, формальный и риторический адресат) [Чаплыгина, 2002:97].

В работе В. Шмида, рассматривающей особенности в том числе литературного нарратива, на конкретном уровне в схеме нарратива напротив конкретного автора стоит конкретный читатель. Это непосредственный реципиент, который существует вне произведения и независимо от него. Здесь речь идет не об одной реальной личности, а множестве людей, которые в любом месте и в любое время могут стать или стали реципиентами этого текста [Шмид, 2003:25].

На уровне взаимодействия с абстрактным автором стоит абстрактный, имплицитный читатель.

Как определяет Шмид, «под абстрактным читателем подразумевается здесь содержание того образа получателя, которого (конкретный) автор имел в виду, вернее, содержание того авторского представления о получателе,

которое теми или иными инициальными знаками зафиксировано в тексте» [Шмид, 2003:35]. Незафиксированный в тексте «задуманный» читатель существует только в представлении конкретного автора, и реконструировать его можно только по высказываниям последнего и внетекстовой информации, поэтому абстрактный читатель не является элементом произведения.

В зависимости от функций, которые автор придает читателю, следует провести различие между двумя разновидностями этой подразумеваемой инстанции.

Во-первых, абстрактный читатель — это предполагаемый, постулируемый адресат, к которому обращено произведение, языковые коды, идеологические нормы и эстетические представления которого учитываются для того, чтобы произведение было понято читателем. В этой функции абстрактный читатель является носителем предполагаемых у публики фактических кодов и норм.

Во-вторых, абстрактный читатель — это образ идеального реципиента, осмысляющего произведение идеальным образом с точки зрения его фактуры и принимающего ту смысловую позицию, которую произведение ему подсказывает. Таким образом, поведение идеального читателя, его отношение к нормам и ценностям фиктивных инстанций целиком предопределены произведением. Подчеркнем — не волей конкретного автора, а зафиксированными в произведении и гипостазируемыми в абстрактном авторе творческими актами. [Шмид, 2003:36-37].

Фиктивный читатель, или нарратор, — это адресат фиктивного нарратора, та инстанция, к которой нарратор обращает свой рассказ. Название «фиктивный читатель» крайне условно, но не столько оттого, что эта инстанция часто представляется как слушатель, сколько потому, что она всегда предстает лишь как подразумеваемый образ адресата.

Фиктивный читатель вторичного, вставного рассказа совпадает, как кажется, с одним из персонажей первичного, обрамляющего рассказа. Но

уравнение наррататор вторичного рассказа = персонаж в первичном рассказе, лежащее в основе многих трактовок этой инстанции (напр., Женетт 1972; 1983), упрощает истину. Наррататор представляет собой лишь схему ожиданий и презумпций наррататора и никогда не идентичен с конкретным персонажем, выступающим в истории высшего уровня как реципиент. [Шмид, 2003:55].

Если мы имеем дело с литературным адресатом, то он обладает рядом специфических особенностей. «Адресат художественных произведений существенным образом отличается от адресата речевых актов. Читатель, публика не вовлечены непосредственно в прагматическую ситуацию. От них не требуется оценки коммуникативного смысла и непосредственной реакции на речевой акт» [Степанов, 1983: 226].

Фигура адресата, в частности, абстрактного читателя проявляется в тексте неопределенно: автор не знает о культурных, когнитивных знаниях читателя, не обладает полнотой информации о нем. Поэтому автор может только прогнозировать читательский уровень знания и опыта, формировать предполагаемый образ адресата. От такого авторского предположения зависит отбор информации – пояснения, комментарии к рассказу, уровень доверительности в коммуникации, расчет автора на поддержку от читателя.

Уровневая организация нарратива является подтверждением коммуникативной основы литературного произведения и нарративного текста вообще. Литературно-нарративная коммуникация осуществляется одновременно на нескольких уровнях: конкретный автор и конкретный читатель общаются непрямо, используя текст в виде канала передачи информации. Абстрактный автор формирует образ абстрактного читателя, идеального реципиента, подбирая для него средства выражения мысли. Фиктивный нарратор – участник произведения способен общаться с наррататором – одним из персонажей текста. Участники коммуникации на разных уровнях реализуют различные функции и прагматические установки создателя текста. Таким образом, коммуникативный подход к исследованию

литературного нарратива позволяет открыть новые свойства, особенности и функции повествовательного текста.

1.2.3. Анализ дискурса как аспект нарратологической теории

Анализ дискурса как направление в нарратологии возникло на основе концепций Т.А. ван Дейка (1989), Х. Перельмана (1958), М. Фуко (1996), М. Пеше (1969) и П. Рикёра (2000) а в отечественном литературоведении – исследований М.М. Бахтина (1986), В.И. Тюпы (2001), И.В. Кузнецова (2003), Н.В. Максимовой (2005), И.В. Саморуковой (2002), А.Д. Степанова (2005).

Сторонники «дискурсивного анализа» предметом исследования определяют внутритекстовую коммуникацию, понимаемую ими как взаимоотношения разных дискурсов: дискурса текста и дискурса персонажей, дискурса о дискурсе (моего дискурса о моем дискурсе, моего дискурса о его дискурсе, его дискурса о моем дискурсе), дискурса в дискурсе (своем или чужом).

Теоретическим основанием такого рода исследований стало представление о том, что любое коммуникативное воздействие – при уникальности каждого акта общения – идет с опорой на существующие в данной культурной общности принципы и продуктивные дискурсивные образцы. В связи с этим предметом интереса исследователей становятся типы и правила дискурсивных практик, пронизывающих индивидуальные произведения.

Впервые об этом начал рассуждать М.М. Бахтин. Он разрабатывает понятие «речевых жанров», понимаемых как матрица форм, в которых может происходить любое речевое взаимодействие: «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, то есть все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми типичными формами построения целого» [Бахтин, 1979: 257]. Эта матрица эффективно работает,

если она одинакова у адресанта и адресата; выбор речевого жанра определяет характер интенций обоих: «Мы научаемся отливать нашу речь в жанровые формы, и, слыша чужую речь, мы уже с первых слов угадываем её жанр, предугадываем определённый объем..., определённое композиционное построение, предвидим конец, т.е. с самого начала обладаем ощущением речевого целого, которое затем только дифференцируется в процессе речи...» [Там же: 271].

Критерием для выделения жанра становятся у Бахтина, с одной стороны, коммуникативные интенции участника («мировоззрение, направление, точка зрения, мнение...»), с другой – речевое воплощение этих намерений, « типовые модели построения речевого целого » [Там же: 272]. Разное содержательное наполнение каждого из этих параметров и определяют многообразие речевых жанров.

В дальнейшей номинации «жанр» заменяется понятием «стратегия». Впервые к нему обращается в своих работах Т.А. ван Дейк, практически повторяя процедуру выделения продуктивных дискурсивных форм, предложенную Бахтиным: «Так как дискурсу присущи намерения, или интенции, нам приходится иметь дело не только с лингвистическими объектами, но и с результатами некоторых форм социальной деятельности. Так, рассказывая историю, говорящий принимает участие в социальном (в данном случае – речевом) акте, утверждающем что-то или предупреждающем слушателя о чем-то. Формы и интерпретации рассказа могут быть обусловлены этой речеактовой функцией высказывания. Мы называем ее прагматическим основанием модели обработки дискурса. Одно из когнитивных следствий этого основания состоит, например, в том, что человек, интерпретирующий рассказ, конструирует также представление соответствующих речевых актов, приписывая определенную функцию или категорию действия речевому сообщению, а отсюда и говорящему. В этом случае слушатель оценивает дискурс с точки зрения его предназначенности к выполнению определенных прагматических функций: рассказ может быть

прагматически приемлем в качестве речевого акта, только если контекстуальные условия соответствуют некоторым текстуальным свойствам. [ван Дейк, 1988].

Поэтому «когнитивная обработка дискурса ... является стратегическим процессом...» [ван Дейк, 1989: 71], то есть процессом реконструкции ценностей и целей автора (а в случае художественного произведения – также и героя) читателем. [Приводится по Шуников, 2006]

Теорию коммуникативных стратегий в дальнейшем развивает В.И. Тюпа, понимающий под коммуникативной стратегией «инвариантную модель взаимодействия участников события общения... Коммуникативная стратегия представляет собой некоторую систему фундаментальных параметров текстопорождения» [Тюпа, 2001].

Наряду с возможным существованием коммуникативной стратегии отдельного произведения, корпуса текстов одного автора, групп авторов и т.д. исследователь определяет четыре базовых стратегии, которые возникают в рамках исторического развития человека. Каждая из них восходит к определенному типу речевого жанра: сказанию, притче, анекдоту или жизнеописанию. По мнению автора, в них отражается как эволюция представлений о сущности, принципах, задачах художественной деятельности, так и ключевые этапы формирования сознания человека в целом.

Первая коммуникативная стратегия – «хоровая – вненарративна, осуществляется в мифе и фольклоре. Характеризуется невыделенностью говорящего из общечеловеческого, а также «ритуальной» картиной мира, представлением о всеобщем синкретизме. Адресат – еще один носитель родового сознания принимает и усваивает предлагаемую картину мира.

Регламентарная, или нормативная, стратегия коммуникации восходит к притче и представляет автора как обладателя истинных представлений о мире и человеке. Рецептивная компетенция адресата –

однозначное понимание, подчинение неким устойчивым законам, их соблюдение.

Третья коммуникативная стратегия названа автором дивергентной. В ней говорящий актуализирует собственное «Я», «выговаривает себя», проясняет собственную индивидуальность. Его картина мира субъективна, содержит «недостовверное знание». Доминантой говорящего является провокация, что вызывает у реципиента отталкивание, благодаря которому, в свою очередь, актуализируется его «Я».

Последняя из выделяемых, самая поздняя в истории культуры конвергентная или полифоническая стратегия.

Она связана с преодолением эгоцентризма: автор стремится к диалогическому взаимодействию с героем и читателем, для него творчество – обретение «я» через взаимодействие с «ты». Задача читателя – узнавание себя в другом посредством «доверия к чужому слову».

Дискурсивный подход к нарративу рассматривает в качестве предмета исследования общеупотребительные дискурсивные практики, применяемые в определенной культуре или в тот или иной период. Работы Т.А. ван Дейка и В.И. Тюпы, продолжили исследования М.М. Бахтина, посвященные речевым жанрам как универсальным формальным и содержательным моделям. Результатом стали описанные коммуникативные стратегии – модели общения, включающие в себя интенции и компетенции участников коммуникации, их роли и формальная организация текста, построенного по определенной стратегии. Анализ дискурса в нарратологии снова актуализирует прагматический подход к литературно-нарративной коммуникации – мотивам и интенциям говорящего. Эти исследования подготовили необходимую теоретическую базу для функционального подхода к нарративу.

1.3. Ксенонарратив как дискурсообразующий элемент литературно-нарративной коммуникации

Прежде чем перейти к функциональному анализу литературно-нарративной коммуникации в исследуемом материале, необходимо определить, какое место занимает избранный для анализа роман в разнообразнейшем дискурсе литературно-нарративной коммуникации. По формальным признакам исследуемый ниже текст можно отнести к традиционному нарративу, характеризующемуся хронологическим перечислением событий, наличием завязки, развязки, а также эмоциональным отношением рассказчика. Однако, с точки зрения содержания, этот нарративный текст погружен в дискурс межкультурного общения, поэтому включает в себя множество тематических элементов, эмоциональных оценок, поведенческих паттернов, описывающих особенности разных культур. Использование автором нарративной формы для описания столкновения двух культур позволяет определить такой нарративный текст о культурных различиях, о категориях «свой/чужой» как особый тип нарратива – со специфическими функциями и содержательными характеристиками.

Такой особый тип нарративного текста, повествующего о чужеродности, можно обозначить через частицу «ксено-», означающей чуждость к чему-либо или кому-либо. В отечественных лингвистических исследованиях эта номинация была закреплена Н.Д. Арутюновой в работе о ксенопоказателях – частицах *де-*, *дескать*, *мол*, *якобы*, являющихся «признаками чужого голоса, отчуждаемого голоса, чужого мира» [Арутюнова, 1992: 42]. Введение нового понятия было признано удачным рядом исследователей, в том числе Е.В. Падучева и В. А. Плунгян, тоже исследующие частицы – показатели чужой речи ([Падучева, 2011], [Плунгян, 2008]). Термин «ксенотекст» использует Д. Вайс в работе о прецедентных текстах в политическом дискурсе [Вайс, 2012: 65]. Там он

понимает ксенотекст как прецедентный текст (вслед за Ю. Карауловым [Караулов, 2002: 215-216]), а кроме этого включает простые цитаты, не считающиеся прецедентными из-за недостаточной известности. В понимании Д. Вайса, ксенотекст – текст, содержащий элементы чужой речи.

В данной работе определение частицы ксено- в понятии ксенонарратив также соотносится с чужеродными элементами. В рамках нашего исследования ксенонарратив определяется как повествование о чужеродности, о другой культуре, о процессе адаптации. Ксенонарратив может включать в себя ксенотексты – прецедентные высказывания, имена, а также цитирования, рассматриваемые как отдельные элементы сложного повествовательного образования – ксенонарратива.

Введение нового понятия в данной работе необходимо, поскольку функциональный подход к изучению литературной-нарративной коммуникации и различных её продуктов-текстов требует детализированного описания всех характеристик исследуемого текста. Избранный материал для анализа – нарратив о чужеродности – обладает рядом отличительных особенностей в организации содержания, которые формируют специфические функции, характерные именно для ксенонарратива.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Отечественные и зарубежные исследования в области нарратологии позволили сформировать основные теоретические посылки, связанные с сущностью нарратива. С формальной точки зрения, нарратив – это последовательность событий в рассказе, включающая в себя ряд ключевых элементов – завязку, кульминацию, развязку. С точки зрения коммуникативного подхода, нарратив – это общение на разных повествовательных уровнях: как на внутритекстовом между персонажами, так и на внешнетекстовом между автором и читателями. Коммуникативно ориентированный подход обращает внимание также и на прагматический аспект повествования – на интенции, или стратегии, повествователя. Описанные результаты научных исследований формируют представление о природе и особенностях существования литературно-нарративной коммуникации – коммуникации между разными повествовательными инстанциями внутри литературного нарратива.

Функционирование нарратива в разнообразных дискурсивных областях формирует различные его типы, характеризующиеся условиями своего существования. Так нарративный текст, создающийся в условиях межкультурного взаимодействия, назван в этой работе ксенонарративом. Ксенонарратив представляет собой нарративный текст, повествующий об опыте чужеродности, о процессе адаптации, о примерах общения в иной лингвокультуре, изучении нового языка в частности.

Изучение ксенонарратива целесообразно проводить именно с точки зрения функционального подхода, поскольку в исследованиях литературно-нарративной коммуникации популярен прагматический подход – внимание к целям повествователя. Кроме этого ксенонарратив обладает рядом специфических функций, отличных от универсальных функций нарратива в целом.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИИ ЛИТЕРАТУРНО-НАРРАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА I. BREZNA “DIE UNDANKBARE FREMDE”)

Литературно-нарративная коммуникация – сложный феномен, выполняющий разные функции, которые зависят от выбранной автором прагматической стратегии. Нарратив, создающийся в условиях межкультурного взаимодействия, проявляет некоторые особенные задачи, позволяющие автору – как повествователю и как реальному человеку – достичь определенных целей в соответствии с его основной интенцией – преодолеть культурную чужеродность. В частности эту цель преследует и автор исследуемого нами романа «Die undankbare Fremde» Ирена Брежна.

В качестве общих правил создания такого типа нарратива мы рассматриваем комплекс коммуникативно-языковых средств для рефлексии процесса адаптации и вербального трансфера пережитого опыта с целью преодоления негативной аккультурации. Такой набор средств создания текста назван в работе дискурсивной обработкой культурной чужеродности. Понятие дискурсивной обработки было введено в работах Л.В.Куликовой, С.Б.Белецкого (2011), Я.В.Поповой (2014).

Ниже мы подробно рассмотрим специфичные функции ксенонарратива, характерные для него только в условиях межкультурной коммуникации на фоне универсальных функций, реализующихся иначе в дискурсе общения нескольких культур.

2.1. Дискурсивная обработка культурной чужеродности как функциональная рамка литературно-нарративной коммуникации

Исследуемый материал, роман чехословацкой писательницы И. Брежна “Die undankbare Fremde” представляет собой нарратив, состоящий из ряда

небольших историй, расположенных в хронологическом порядке. Истории отделены друг от друга дополнительными повествовательными структурами, описывающими случаи из переводческой практики уже взрослой героини. Включенные нарративные блоки в тексте выделены курсивом.

Основной текстовый ряд может быть представлен в виде повторяющейся модели: ситуация взаимодействия с представителем/явлением/артефактом чужой культуры + рефлексия героини. Вторая часть модели отражает процесс осмысления ею реальности в оппозиции «свой-чужой»: любую ситуацию столкновения с другой культурой героиня категоризирует, сравнивая две культуры и противопоставляя родную лингвокультуру неродной.

Эта рефлексия дискурсивно обрабатывается в тексте на нескольких уровнях: языковом (лексическом, синтаксическом) и культурно-конвенциональном. Отметим, что в своей работе под социальной рефлексией вслед за Е.М. Ковшовым мы понимаем «способ осознания действия межличностных (в том числе межгрупповых) социокультурных механизмов любой целесообразной деятельности. В отличие от познавательной, ей присуще доминирование аксиологического аспекта над гносеологическим, которое выражается в осознании мотивов и целей субъектами социальной деятельности» [Ковшов, 1999: 19].

На лексическом уровне чаще всего представлена семантическая оппозиция, выражаемая через местоименный дейксис. Эта оппозиция является трехчастной, поскольку героиня противопоставляет себя как своей родной культуре, так и чужой. Поэтому она часто употребляет личные местоимения „ich“, „wir“, „sie“. Родину героиня называет „Heimatland“ («Родина»), „mein Land“ («моя страна»), для чужой страны выбирает слово „fremd“ («чужой»), а также использует метафору «старый муж» – „mein Mann“: „Die Welt war in „Ich“ und „Das fremde Land“ zerbrochen. Ich nannte es „mein Mann“. Wenn ich „meinen Mann“ anschaute, sah ich, was er nicht sah“. [Brezna, 2012: 18] («Мир раскололся на «я» и «чужой край». Я называла его

«мужем». Взглянув на «мужа», я видела то, чего не видел он» [Брежна, 2014: 24-25]). Две политические системы также получают различные номинации, находящиеся в оппозиции: «Diktatur», „autoritärer Staat vs Demokratie“, „freie Bürger“. Про себя она говорит: „Zu jung war ich für dieses erwachsene, vernünftige Land“ [Brezna, 2012: 33] («Я была слишком юной для этой взрослой и рассудительной страны» [Брежна, 2014: 47]). Не только антонимическая лексика выражает отношения противопоставления, это можно наблюдать также на уровне высказываний в микроконтекстах. Продолжая описывать оппозицию «я» – «чужое», героиня рассказывает о занятиях по немецкому языку: „Doch sicher war nur die Langweile, die mich befiel. Der Lehrer machte es vor, er erklärte langatmig, was er in der Unterrichtsstunde durchnehmen würde, und verwirklichte Punkt für Punkt seinen Vorsatz. Ich sehnte mich nach Überraschungen, mochte so sehr dieses Wort, in dem es überrasch zunging, und störte den Unterricht mit Einfällen“ [Brezna, 2012: 28] («Но с уверенностью можно было утверждать лишь одно: мне было невыносимо скучно. Учитель следовал образцу, неторопливо рассказывая о том, что будет на уроке, и шаг за шагом выполняя свой план. А мне так хотелось неожиданностей, так нравилось это слово, которым отрицалась томительная данность, что я прерывала урок внезапными предложениями» [Брежна, 2014: 39]). В приведенной цитате манера ведения урока у учителя названа „langatmig“ – долгой, скучной, а также использован оборот „Punkt für Punkt“, иллюстрирующий стремление учителя неукоснительно следовать плану занятия. В противопоставление существительному „die Langweile“ («скука») автор подбирает слово „die Überraschung“ («неожиданность») для описания собственного отношения к урокам.

Героиня, познавая новый язык, остро чувствует разницу в значениях слов и в их употреблении: „Ich konnte mich an diese Grobheit nicht gewöhnen, versuchte das Nein in ein feines Vielleicht oder ein begeistertes Ja umzuwandeln“ [Brezna, 2012: 53] («Мне было трудно привыкнуть к такой грубости, я старалась превратить «нет» в утонченное «может быть» или в

воодушевленное «да» [Брежна, 2014:76]). Она подчеркивает непривычный для неё подбор слов в чужой культуре: „Die Radikalität des „Ich liebe dich“ mochten die Dialekte nicht. Das höchste aller Gefühle: «I ha di gärn“ benutzte man auch für das Müesli“ [Brezna, 2012: 30] («Говорящие на диалектах избегали грубого «я люблю тебя». Выражением высшего чувства оказывалась фраза «мне с тобой легко», употреблявшаяся и по отношению к мюсли» [Брежна, 2014:43]). Нормальное для её культуры прямое выражение любви в чужой культуре характеризуется лексемой „die Radikalität“ («радикальность»).

Сформировать представление о разности культур автору помогают многочисленные образные сравнения: „Sie hielten die Zeit an kurzer Leine, und meine Zeit war ein steiler Schwalbenflug. Kaum holte ich weit aus, schon öffneten sie den Terminkalender. Nicht nur am Bankschalter, auch auf der Parkbank trugen sie den engen Zeitanzug, legten das Jackett nicht ab. Die Uhr war das Urbild, nach dem der Mensch geschaffen wurde“ [Brezna, 2012: 54] («Они держали время на коротком поводке, а мое время ласточкой взмывало вверх. Стоило мне размыслить о будущем, как они раскрывали ежедневник. Не только у окошка в банке, но и на скамейке в парке они не снимали узкого временно́го костюма, не оставались в рубашке. Часы служили образом, по которому был создан человек» [Брежна, 2014:77]). Немецкий фразеологизм „an kurzer Leine halten“ и метафора „ein steiler Schwalbenflug“ позволяют героине описать различное отношение ко времени в двух культурах. Такую разницу культур Западной и Восточной Европы подтверждают и исследования классиков теории межкультурной коммуникации. В работах Э.Т. Холла это противопоставление названо «полихронность-монокронность». В монокронных культурах время представлено линейно, его можно охватить. Представители таких культур предпочитают выполнять одно дело в течение определенного отрезка времени. Люди такого типа не любят, когда их отрывают от намеченного плана, меняют задуманное. Напротив, полихронные тип культуры характеризуется привычкой делать несколько дел одновременно. Полихронные люди межличностные взаимоотношения ставят

выше запланированных дел и могут легко изменить их. Метафора вольной и непредсказуемой ласточки подтверждает принадлежность родной героине культуры к полихронному типу. «Временной костюм» чужой культуры символизирует четкий план действий, связывающий человека и определяющий этот народ, скорее, как монокронный.

Еще одно образное описание выражает чувствительность героини к чужому языку: „Und meine Sprechweise in der neuen Sprache war verdächtig zerklüftet. Ein Fehler geschah, ein Loch tat sich auf. Die Einheimischen mochten geglättete Verhältnisse, zubetonierte Löcher“ [Brezna, 2012: 22](«Моя манера изъясняться на новом языке тоже была подозрительно обрывиста. Каждая ошибка походила на разверстную дыру. А здесь ценили гладкие отношения, любые дыры тщательно бетонировались» [Брежна, 2014: 30]). В противопоставлении именной части составного сказуемого „zerklüftet“ («разорванный, обрывистый») и определения „geglättete“ («выглаженный») снова подчеркивается уже названное стремление героини к неожиданности, непредсказуемости.

На синтаксическом уровне организация ксенонарратива позволяет автору осмыслить опыт через использование формальных параметров. Например, особое внимание может быть уделено хронологии текста.

Хронологический порядок выстраивается таким образом, чтобы отдельный фрагмент нарратива, в котором героиня рассказывает о трудностях переезда, адаптации или коммуникации, был связан с дополнительной включенной историей. Героиня взаимодействует с представителями своей этнической группы, которые испытывают те же самые трудности, что и она в детстве. Работая с ними, она пытается передать им свой опыт, а также с помощью своей внутренней речи осмысливает его.

Кроме хронологической организации текста большую роль для дискурсивной обработки опыта играет выбор тематических блоков для повествования. Героиня описывает свою первую работу в качестве

разносчицы газет, первый неудачный поход в кино с подругой, покупку мебели для нового дома.

Когнитивное освоение нового мира и культуры происходит через познание повседневных бытовых конвенций, их оценку и релевантность для неё и её культурных визави. Например, когда героиня с мамой выбирают подержанную мебель для нового дома. Хозяин мебели дарит девочке коврик, который ей понравился. Она замечает: „Er tat es, ohne zu seufzen und ohne mir ein entriefenden Kuss auf die Stirn zu drücken. So lernte ich, dass gute Gefühle hier getarnt und geräuschlos wie Partisanen unterwegs waren“ [Brezna, 2012: 17] («Не последовало ни вздоха, ни смачного поцелуя в лоб. Так я поняла, что хорошие чувства здесь скрываются и маскируются, как партизаны» [Брежна, 2014: 23]). В этой маленькой, казалось бы, незначительной истории автор вербализует важное культурное противопоставление: материальный мир против духовного. Она дальше рассуждает: „In einer dieser Nächte fand ich heraus, dass ich reich war, ich besaß etwas, was dem sich schämenden Mann fehlte: Ich hatte ein tragisches Schicksal. Ich musste mich weder sorgen, es zu verlieren, noch um seine Wertsteigerung bemüht sein. Ein tragisches Schicksal war ein stabiler Besitz“ [Brezna, 2012: 17] («В одну из таких ночей я поняла, что богата. У меня было кое-что, чего не было у стыдливого хозяина дома: трагическая судьба. С ней не было хлопот по продаже, по набиванию цены. Трагическая судьба – незыблемое имущество» [Брежна, 2014: 23]). Позже героиня решила прикормить бездомную кошку во дворе. Соседи запрещали ей это делать, поставили табличку „Katzen füttern verboten“ («Кормить кошек запрещено»). Бытовая ситуация вызвала в сознании героини мысли о новом противопоставлении и разности пониманий: ограниченность и свобода: „Wie ich inmitten der umzäunten Welt ins Rasen kam! <...> Und sie schoren mir kahl und verpackten mich in sterile Döschen. Nein. Ihrer Zwangsneurose stellte ich meine Hysterie entgegen, rannte schreiend davon. Die wilde Natur auf zugebenhieße, nicht mehr zu sein“ [Brezna, 2012: 41] («Как же ярилась я посреди этого огражденного со всех сторон мира! <...> Они подстригли меня

наголо и расфасовали по стерильным баночкам. Нет. Их принудительному неврозу я противопоставляла свою истерию, с воплем бежала от них. Уступить им дикую природу значило перестать быть» [Брежна, 2014: 58]). Все эти истории сопровождаются ситуациями общения с представителями чужой культуры, в качестве кульминации имеют культурно-коммуникативный конфликт, а финал каждого фрагмента – рассуждение героини, вербализация её опыта. Обыденные ситуации столкновения разных культурных моделей снова можно объяснить, используя теоретические работы в сфере межкультурной коммуникации. О принадлежности новой для героини культуры к «низкоконтекстному» типу (в терминологии Э.Т. Холла) свидетельствуют временный и поверхностный характер межличностных отношений. Для представителей таких культур типично быстрое установление контакта, но без глубоких чувств. Еще одной особенностью «низкоконтекстной» культуры является внимательное отношение к вербализованному тексту: документам, предписаниям, инструкциям. Поэтому для соседней героини важно было соблюдать запрет на кормление кошек. Рассказчица же, принадлежащая к «высококонтекстному» миру, легко готова нарушить предписанное, поскольку для нее важнее неозвученный контекст ситуации – необходимость покормить бездомное животное. По ее мнению, в такой очевидной ситуации любой бы нарушил запрет. Для неё также важны искренние человеческие чувства, поэтому она глубоко переживает «холодное», деловое отношение продавца к трогательному подарку.

Непонимание между героиней и «чужаком» основывается и на других причинах: языковая некомпетентность героини в первые годы эмиграции, стереотипно-настороженное отношение со стороны местных жителей, сопровождающееся, с одной стороны, жалостью или состраданием к героине, а с другой, открытой агрессией и ненавистью: „Manche kannten ganze Zug- und Busfahrpläne auswendig. Bald galt ich als unzuverlässig, als unfähig, mir die Öffnungszeiten der Fremdenpolizei zu merken“ [Brezna, 2012: 28](«Некоторые

наизусть знали график движения поездов и автобусов. Вскоре я прослыла неблагонадежной, неспособной запомнить часы работы иммиграционной полиции» [Брежна, 2014: 39]).

Таким образом, анализ языковых и культурно-конвенциональных элементов романа позволяет утверждать, что такой способ дискурсивной обработки позволяет и героине, и конкретному автору отрефлексировать процесс адаптации в чужеродной среде. В тексте это реализуется на лексическом уровне через использование ряда семантических оппозиций, местоименного дейксиса, описание определенного круга тем. На синтаксическом уровне это выражено в особенностях формального устройства текста, а также хронологического порядка. Описание культурных особенностей чужой среды позволяет героине отметить разницу своей и чужой культуры, а также осмыслить причины коммуникативных неудач и агрессивного поведения со стороны языковых носителей.

2.2. Функциональный подход к организации нарратива

Краткая характеристика языковых и культурно-конвенциональных характеристик текста о чужеродности, ксенонарратива, позволяет перейти к анализу функций такого типа литературно-нарративной коммуникации. Исследование коммуникативных стратегий дискурса и нарратива, обращающее внимание на прагматические и мотивационные аспекты существования текста, укладываются в рамки коммуникативно-функционального подхода в лингвистике.

Цель данного исследования – системное изучение коммуникативных функций нарратива в аспекте межкультурной коммуникации – обращает нас к тщательному рассмотрению функций любого нарратива.

Функциональный подход в целом сводится, однако, прежде всего к двум разновидностям:

— внутрифункциональному (или структурно-функциональному) подходу, для которого исследуемыми величинами оказываются языковые категории, а "средой" — более широкая совокупность единиц, категорий того же уровня, единицы и категории более высокого уровня, языковая система в целом, текст как линейно развернутая система языковых знаков;

— внешнефункциональному, или собственно функциональному, подходу, соотносящему языковые единицы или их группировки разных видов с объектами, составляющими внеязыковую среду [Сусов, 1986:132].

Именно внутрифункциональный подход использовал В. Пропп в «Морфологии волшебной сказки», поскольку он рассматривал функцию как «поступок действующего лица, определяемый с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп, 2001: 20]. Выделяемая аналитически функция не зависит от того, кто и как ее выполняет, не зависит от персонажа и средства. Функций меньше, чем персонажей: «функция — это постоянный, неизменный элемент сюжета, а персонажи и средства — переменные» [Пропп, 1998: 19].

Такую модель структуры сюжетов развивал дальше Ф.-Ж. Греймас. Он сократил количество функций, выделенных Проппом, до 20 и приспособил её к любым повествованиям, например, к рекламным сюжетам [Franzosi, 1998: 534].

Внутрифункциональный подход применялся и Р. Бартом. В работе «Введение в структурный анализ повествовательных текстов» он дает более широкое определение функции: «функция того или иного элемента в тексте (от слова, знака до текста в целом) — это его способность вступать в коррелятивные связи с другими элементами или со всем произведением в целом» [Барт, 2000: 200]. Барт приводит пример, напоминающий пресловутое ружье, которое обязательно выстрелит: «если рассказчик вскользь замечает, что у дочерей одного господина был попугай, то этому попугаю суждено сыграть большую роль в развитии сюжета. «Ничто в повествовании не случайно, поэтому в нем и нет ничего, кроме функций»

[Барт, 2000: 201]. Для Р. Барта функция – это любой не случайный элемент текста, который может вступать в связь с другим элементом. Все элементы он делит на функции и индексы. Функции подразделяются на основные (ядерные, кардинальные) и вспомогательные (катализаторы). Первые — «диспетчерские пункты текста», «развилки»; они определяют сюжетные траектории, создавая или разрешая напряженную ситуацию, давая возможность герою совершать выбор. Катализаторы не вносят в ситуации никаких принципиальных изменений и заполняют промежутки между узлами, создавая в тексте зоны безопасности, спокойствия, передышки, описывая, как именно то или иное конкретное действие было совершено. Если ядерные функции могут состоять и во временной, и в логической связи, то катализаторы — только во временной. [Евстигнеева, Оберемко, 2007: 102].

Задачи нашего исследования, скорее, фокусируют внимание на теории внешнефункционального похода – то есть связи нарративного текста со средой. Нарратив как сложная текстовая организация, как тип дискурса выполняет разнообразные функции. Первая из них сокрыта в самом термине «нарратив»: «(г)наррация есть гнозис, рассказывание тем, кто знает. Но это также и диагноз, акт идентификации или интерпретирования посредством дискриминирующего чтения знаков» [Miller, 1998, p. 47, цит. по Трубина, 2002: 10]. То есть нарратив выполняет задачу не только передачи или хранения информации, но и её осмысления.

С точки зрения организации прошлого опыта, нарратив может выполнять следующие функции: упорядочивающую, информирующую, убеждающую, развлекающую, отвлекающую внимание, идеологическую, а также трансформирующую и темпоральную [Олешков, 2010: 49].

И. С. Веселова объединяет такие общие функции в три группы:

- социальные (идентификационная, дидактическая, регулятивная – трансляции опыта, в том числе ориентационная);
- психологические (психотерапевтическая, прогностическая);
- коммуникативные (развлекательная, информационная).

Она поясняет: «Рассказчик идентифицирует себя как члена определенного социума, тем самым называя себя (идентификационная функция). Еще одной социальной функцией является репрезентативная – в ситуации знакомства, когда оба собеседника готовы к взаимодействию, и обмен рассказами есть обмен "верительными грамотами". При помощи рассказов рассказчик как член социума обучает "неофитов" общей этике и системе ценностей (дидактическая функция) и регулирует внутренние и внешние отношения социума (регулятивная функция). Ценности общества проецируются (через событие-медиатор) на пространство, в чем выражается ориентационная функция текста. Социологи обращают внимание на функции "совместного обдумывания" и "сравнения опыта" рассказов в критической ситуации (Shibutani 1966) – психотерапевтическая функция. Прогностическую функцию принято считать доминирующей функцией слухов и толков. Фи»нал, событие-следствие этих текстов направлено в будущее, но текст есть реакция на событие-причину в настоящем (ближайшем прошлом). Помимо прогностической функции (реакция на которую выражается в действиях – например, немедленной закупке продовольствия при слухах о скором их подорожании), эти тексты выполняют психотерапевтическую функцию. В большей или меньшей степени рассказы выполняют развлекательную (фатическую) и информационную функции» [Веселова, http://www.folk.ru/Research/veselova_narratolog.php?rubr=Research-articles].

Е.Г. Трубина подробно описывает достижения нарратологии в исследовании трансформирующей функции повествования. Благодаря ей нарратив способен переписывать реальность по собственным моделям, сохраняя одни элементы в ущерб другим. По мнению Дж. Принса, уникальной является способность нарратива не просто отражать некую последовательность событий, но открывать либо изобретать то, что может произойти: «нарратив посредничает между законом того, что есть, и человеческой устремленностью к тому, что может быть» [Prince G., 1987, цит. по Трубина, 2002: 15]. Нарратив как особый вид знания не просто

перечисляет факты, но организовывает их в связное повествование, интерпретирует, конструирует из них осмысленное целое. Е. Г. Трубина подчеркивает: «Показывая, что разрозненные ситуации и события образуют одну означающую структуру (или наоборот), упорядочивая возможную реальность и связуя ее воедино присущим лишь ему способом, нарратив задает модели трансформации или переописания этой реальности» [Трубина, 2002: 16]. Такая способность нарратива открывает еще одну его функцию – фиксация, запоминание событий: «Нарративная последовательность есть и «великий мнемоник», т. е. , обладая компактной и выразительной формой, эффективно способствует запоминанию важных событий, их запечатлению в памяти человечества» [Трубина, 2002: 16].

Кроме «переписывания» реальности нарратив как структура и практика позволяет представить человеческую жизнь протекающей во времени. Именно в этом заключается темпоральная функция нарратива: он является способом постижения времени и места человека в нем. Из бесконечного течения времени нарратив выделяет определенные отрезки, раскрывает их смысл, последовательность, причины и следствия.

Уже перечисленные функции можно отнести к общим, относящимся к любому типу нарратива, его теме, функционированию в дискурсе. Однако помимо этих универсальных функций можно выделить специфические, актуализирующиеся в рамках межкультурного взаимодействия. Рамки нашего исследования ограничиваются изучением ситуации общения между двумя культурами. Нарратив как способ осмысления чужеродности, проявляет глобальную функцию – рефлексию процесса адаптации. Такая потребность возникает у рассказчика, пережившего негативный опыт аккультурации и стремящегося эти знания осмыслить и передать.

На основе анализа ксенонарратива и выявления повторяющихся дискурсивных фрагментов мы сделали вывод об основной интенции автора – желании минимизировать стресс адаптации. Процесс рассказывания позволяет рассказчику, пережившему отрицательный опыт, оформить

реальные ситуации в единую картину повествования. Такое конструирование облегчает осмысление пережитого.

Исследование на материале ксенонарратива И. Брежна позволило выделить четыре специфических функций литературно-нарративной коммуникации, реализующихся в контексте межкультурного взаимодействия и актуализирующих главную интенцию автора.

Первая функция выражается в том, что литературный нарратив способствует вербальному трансферу ментального опыта реального автора/повествователя. Текст ориентирован на идеального читателя, нуждающегося в понимании или готового понять сложности процесса адаптации, осмыслить проблемы, пережитые героями и перенести чужой опыт на собственную жизнь.

Вторая функция заключается в преодолении стереотипного представления о культуре мигрантов у культурно-языковых носителей (nativespeakers). Текст, описывающий бытовые ситуации ежедневного взаимодействия с представителями иной культуры, предлагает читателю объяснительный ресурс, расширяет фоновые знания о привычках и особенностях другой культуры, которые вызывали непонимание, неприязнь, жалость со стороны носителей культуры.

Следующая, третья, функция связана с формированием вторичной языковой личности у рассказчика, адаптирующегося к другой культуре. Рассказ об ощущении иностранного языка и его изучении, о новых моделях поведения, культурных стандартах, нормах и ценностях дает повествователю возможность адекватно понять чужеродные элементы и попытаться усвоить их, тем самым формируя новую языковую личность.

Анализ пережитого личного опыта, тем более опыта выстраивания новой культурно-языковой личности раскрывает еще одну функцию нарратива – самоидентификации. Автор, рассказывая, подчеркивает собственную культурную и социальную идентичность.

Способ подобной рефлексии пережитого опыта назван в этой работе дискурсивной обработкой. Под ней понимается комплекс коммуникативно-языковых средств, раскрывающих индивидуальные черты нарратора, его культурную идентичность, его прагматическую устремленность в создании текста. Именно дискурсивная обработка позволяет перечисленным выше функциям реализоваться в нарративе.

Таким образом, нарратив как сложная структура и тип дискурса выполняет разнообразные функции, связанные с моделированием реальности, хранением и передачей информации, воздействием на слушателя. В ситуации межкультурного контекста нарратив способен актуализировать иные функции – культурная самоидентификация, формирование вторичной языковой личности, трансфер культурного опыта, преодоление стереотипных представлений. Процесс рефлексии, осмысления опыта у повествователя реализуется благодаря комплексу коммуникативно-языковых средств, названных в этой работе дискурсивной обработкой.

2.2.1. Идентификационная функция

Центральная интенция автора исследуемого ксенонарратива – минимизация стресса адаптации у рассказчика и читателя. Эту довольно универсальную потребность автора-исследователи относят к психотерапевтической функции рассказывания. В ситуации межкультурного общения задача психологической терапии сводится к осмыслению разницы культур, к пониманию специфики нового, чужого мира, к его принятию.

Проблема «своего» и «чужого» довольно широко дискутировалась в работах З. Баумана, Ч. Кули, К. Маркса, Дж. Мида, А. Шюца, и др. [Диспозиция, 2007]. Термин «чужой» представляет собой одно из основных понятий в области социологии и является продуктом междисциплинарного подхода постмодернистов и культурологов [Riggins, 1997: 3]. «Чужие» – это концепт, реализующийся на разных уровнях существования общества, включенный в разнообразные бытовые, культовые, государственные и

прочие ситуации и представляющий особую социальную позицию, необходимость которой оказывается предусмотренной в обществе» [Лотман, Успенский, 1982: 114]. Выделяется ряд когнитивных последствий разделения людей на «своих» и «чужих»:

1) у нас есть тенденция ожидать от членов «своих» групп поведения и образа мысли, схожего с нашими;

2) у нас есть тенденция представлять «своих» в выгодном свете, когда мы сравниваем их с «чужими»;

3) у нас меньше беспокойства при общении с членами «своих» групп, чем при общении с членами «чужих» групп;

4) мы можем быть более точны в предсказывании поведения членов «своих» групп, чем в предсказывании поведения членов «чужих» групп [Gudykunst, 1998: 71];

5) считается, что все «чужие» похожи друг на друга и отличны от «своих»;

6) среди «своих» наблюдается больше разнообразия, нежели среди «чужих»;

7) оценки «чужих» тяготеют к крайностям: они, как правило, бывают либо очень позитивными, либо очень негативными [Bootzin et al., 1991; цит. по: Леонтович, 2005: 236].

Содержание феномена чужеродности, представленное оппозицией «свой-чужой» может быть определено как «принадлежащее (или не принадлежащее) лицу говорящему; относящееся (или не относящееся) к личности говорящего, к группе, к кругу, сообществу, в которые входит говорящий» [Захарова, 1998: 88-89]. Таким образом, для идентификации себя в обществе человек генерирует два вида практик – дискурс различности и дискурс схожести, отвергая или принимая соответствующие характеристики [Уфимцева, 2011; Riggins, 1997].

С точки зрения психологии, для возникновения идентичности необходимо, чтобы личность реагировала на саму себя [Шипилов, 2008: 40],

при этом осознание различия возможно уже на чувственном уровне, в то время как осознание сходства требует более развитой способности обобщения и концептуализации [Выготский, 1982; цит. по: Уфимцева, 2011: 234].

Традиционно отношения чужеродности связаны в основном с межкультурным общением, при этом нужно учитывать, что согласно современной трактовке, межкультурная коммуникация может рассматриваться в узком и широком смысле. Под межкультурной коммуникацией в широком смысле понимается общение между представителями разных лингвокультурных сообществ; в узком смысле межкультурная коммуникация рассматривает также особенности общения в рамках одной страны, даже внутри разного рода структур и организаций. Л. В. Куликова отмечает, что «межкультурный» момент возникает в этом случае в связи с разницей возраста, профессий, интеллектуального «багажа» коммуникантов, манеры поведения и выбора языковых средств (например, употребление жаргонизмов, профессиональной лексики, языковая грамотность и т.д.) [Куликова, 2004: 29-30]. Иными словами, в рамках одной лингвокультуры также возможны отношения чужеродности, поскольку «своя» культура не является гомогенной средой и в ней тоже присутствует компонент «чужого». Задействуя различные парадигмы, на это указывают в своих исследованиях Б. Вальденфельс, используя термин «Чужесть» внутри Родного мира» [Вальденфельс, 1995: 81]; Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, говоря о том, что в русской культуре «чужими» по отношению к народу считали себя, например, представители интеллигенции [Лотман, Успенский, 1982: 121]. А. Шюц выделяет специальную категорию – «чужак». В качестве «чужака» может выступать, с одной стороны, иммигрант, с другой стороны, это может быть претендент на вступление в члены закрытого клуба, предполагаемый жених, желающий быть допущенным в семью девушки, сын фермера, поступающий в колледж, обитатель города, поселяющийся в сельской местности, «призывник», уходящий на службу в армию [Шюц,

2004: 533]. В этом смысле чужеродным может восприниматься любая социальная, статусная или даже половозрастная группа: мужчины для женщин, богатые для бедных, молодые для стариков, работодатели для наемных рабочих и т.д. Чаще всего, границы группы, с которой человек себя идентифицирует, четко очерчены. При этом различиям внутри группы придается минимальное значение, в то время как различия между отдельными группами всегда четко осознаются, преувеличиваются и выполняют непосредственно идентификационную функцию, являясь своего рода паролем для «своих» [Колосов, 2004].

За более «радикальным» примером отношений чужеродности в рамках одной лингвокультуры можно обратиться к исследованиям народов, разъединенных в силу исторических событий несколько десятилетий назад, а сейчас вновь объединившихся. Так, Л.В. Куликова анализирует ситуацию в современной Германии, где, несмотря на объединение западной и восточной частей страны, проблема «внутреннего единства» долгое время оставалась актуальной как среди политиков, так и среди населения [Куликова, 2004: 142]. То есть будучи по сути одной страной, говоря на одном языке, людей разделяет ментальная граница между двумя идентичностями, что порождает отношения чужеродности. При этом проявляется важная составляющая отношения к «чужим», когда «чужой» – это «тот, по отношению к кому я чувствую превосходство или подчинение» [Galasin'ska, Galasin'ski, 2003: 850]. Г. Мааз, описывая особенности общения между представителями восточных и западных немцев, подчеркивает, что восточники постоянно испытывали «ощущение неполноценности и неуверенности в контактах с западными немцами», пройдя «попрошайничество и позу просителя». Тогда как для западников были характерны «щедрость, великодушие, постоянная поза дарителя и учителя, чувство превосходства» [Maaz, 1990; цит. по: Куликова, 2004: 145].

Интерпретация «чужого» всегда опосредована «своей» позицией. Исходя из утверждения Х. Баузингера о том, что «чужое» является

субъективной категорией и, соответственно, чуждо всегда только конкретному лицу [Bausinger, 1988; цит. по: Куликова: 52-53], необходимо иметь четкое представление о том, к какой группе принадлежит адресант, что позволяет определить контекст общения и проанализировать коммуникативно-прагматическую реализацию замысла отправителя дискурса. Согласно исследованию П. Чилтона, человек на основе когнитивных процессов «располагает» свои аргументы и утверждения относительно других людей, социальных групп, объектов и т.п. в соответствии с тремя измерениями: временем, пространством и модальностью, приближая или отдаляя их по отношению к «себе» [Chilton, 2004: 56-61]. И в плане порождения, и в плане интерпретации дискурса позиционирование «себя» влияет на понимание позиции «чужого». П. Чилтон и К. Шэффнер отмечают, что такое «фиксирование» (anchoring) зависит от когнитивной базы, которая включает общепринятые разделяемые понятия о структуре общества, социальных группах и отношениях с другими обществами [Chilton, Schäffner, 2002: 30-31].

Процессу взаимодействия своего и чужого, его осмыслению и рефлексии посвящен исследуемый в данной работе художественный текст. Автор романа «Die undankbare Fremde» (2012) Ирена Брежна анализирует в тексте ряд ситуаций межкультурного взаимодействия, с которыми она сама столкнулась после миграции вместе с семьей в Швейцарию.

Сама ситуация межкультурного общения, описанная в романе, позволяет выделить одну из основных функций исследуемого ксенонарратива – функцию самоидентификации. Героиня пытается определить свое место в мире двух культур: культуры своего народа и культуры новой страны.

На наш взгляд, способ литературно-нарративной коммуникации позволяет этой функции наиболее полно реализоваться по ряду причин. Форма художественной речи, отдаленная во времени от момента переживания ситуации, позволяет автору отобразить и классифицировать

событийные элементы, а также осмыслить их и передать в виде художественной речи читателю. Нарратив как повествование, состоящее из хронологически расположенных ситуаций, позволяет расставить выбранные элементы опыта в необходимом автору порядке. Форма перволичного нарратива повышает уровень читательского доверия к автору, который говорит как будто о себе, выражая реально пережитые эмоции.

Процесс самоидентификации героя реализуется в тексте через языковую, культурную и когнитивную репрезентацию собственной личности, а также окружающего мира. Героиня использует оппозицию «свой-чужой» для ответа на вопрос «Кто я?» и «Почему я такой стала?». В тексте столкновение своей и чужеродной культуры представлено в виде реальных пространственных и метафорических дискурсивных границ, разделяющих эти культуры. Под дискурсивной границей мы здесь понимаем ментальные представления и речеповеденческие паттерны, определяющие пределы своего и чужого. При описании взаимодействия разных культур нарратор ощущает и демонстрирует присутствие границы. Пересечение такой дискурсивной границы между «своим» и «чужим» расширяет пространство «своего». Если граница остается не пройденной, то человек сохраняет разделение, зачастую это происходит сознательно.

В анализируемом тексте героиня описывает разные формы проявления дискурсивных границ. Первое препятствие – одно из самых очевидных в условиях общения разных культур – языковая компетенция. Героиня, ее семья и ее соотечественники вынуждены жить и работать в стране, говорящей на другом языке. Для преодоления языкового барьера и, соответственно, расширения границ «своего» пространства им необходимо овладеть новым языком. Нарратор описывает разные стадии принятия языка представителями своей культуры: многие чужестранцы, приехавшие недавно, не знают языка, поэтому любая коммуникация с официальными представителями государства или с обычными жителями устанавливает непреодолимый барьер. В одной из ситуаций героиня переводит показания

осуждаемого соотечественника, говорящего только на родном языке: „Ich schmücke seine Rede aus, füge «verehrtes Gericht» und «Eurer wunderbares Land» hinzu <...> Das fremdartige Pathos weckt jedoch Misstrauen“ [Brezna, 2012: 20] («Я украшаю его речь, добавляю «высокоуважаемый суд» и «вашу замечательную страну». <...> Однако чужеродный пафос вызывает лишь подозрение» [Брежна, 2014:26]). Незнание особенностей стиля чужого языка может направить отношение суда в нежелательную сторону, но героине удается сгладить стилистические ошибки в речи молодого человека за счет использования всех необходимых выражений в ситуации официального общения. Герой не способен преодолеть границу, и это может привести к коммуникативной неудаче, а также помешать достижению целей в социальной жизни. У многих мигрантов нет денег или желания посещать языковые курсы, но такое отношение настраивает окружающих враждебно к ним. Открытое нежелание учить язык может также свидетельствовать об осознанной потребности оставаться в рамках своего языка и культуры: „In einem halben Jahr hat er es nicht fertiggebracht, einen ganzen Satz in unserer Sprache zu sagen. Das ist Widerstand. Er will nicht hier bleiben, - sagt die Psychologin“ [Brezna, 2012: 117] («Прошло уже полгода, а он на нашем языке двух слов связать не может. У него внутреннее сопротивление. Он не хочет здесь оставаться, – заключает психолог» [Брежна, 2014:152]). Однако многие люди быстро осваивают язык и благодаря этому лучше ассимилируются в принимающей культуре. Героиня описывает свою подругу: “Mara hielt den Druck nicht aus, sie fing an, in Dialekt zu redebreden. Auf der Sprachkreuzung trennten wir uns. Mara tat es nicht aus Sprachlust, sie beschloss bloß, hier anzukommen“ [Brezna, 2012: 115] («Мара не выдержала давления и начала балакать на диалекте. Языковой перекресток разлучил нас. Диалект не доставлял Маре никакого удовольствия, просто она решила стать здесь своей» [Брежна, 2014:150]). Выражение «языковой перекресток» иллюстрирует осознание нарратором этой ментальной линии. Сама главная героиня превосходно овладела не только языком новой страны, но еще

несколькими ради работы переводчиком; она тонко чувствует стилистические особенности нового языка, расхождения в диалектах. На уровне социальных взаимодействий ей удалось блестяще преодолеть эту дискурсивную черту языковой компетенции. Однако на более глубоком уровне личного отношения она не приняла чужой язык и старалась это подчеркнуть: „In den engen Dialekttätern war eine andere Lebenserfahrung kodiert als die meine <...> Der Dialekt war der Geruch der Sippe, ihr Erkennungsmerkmal“ [Brezna, 2012: 113] («В узких долинах диалектов был закодирован чуждый мне жизненный опыт <...> От диалекта разило клановостью, он был опознавательным знаком» [Брежна, 2014: 146]). Местные жители сами использовали диалекты для установления границ внутри своего народа, поэтому героиня, не желая присоединяться ни к одному «клану», выбирает для общения чистый литературный язык: „Ich wollte die Schriftsprache, sie roch nach nichts“ [Brezna, 2012: 113] («Я предпочитала книжный язык, он ничем не пах» [Брежна, 2014: 147]). Установление оппозиции чужеродности здесь реализовано на лексическом уровне. Слова из семантического поля «чужой», такие как „fremd“, «fremdartig“, „die Sippe“ противопоставлены лексике из поля со значением нейтральности, непредвзятости, беспристрастности: „leer“, „weiß getünchtes, mehrstöckiges Haus“ (über die Sprache), а также из поля «свой»: „Heimat-“, „Muttersprache“. У героини нет такого трепетного отношения к чужой речи, как к звучанию родной: „ich scheute keine Mühe, sie zu erkunden. Es ging um mehr als ums Überleben als sprachliches Wesen – ich wollte meine Sprachwürde“ [Brezna, 2012: 114] («я не останавливалась ни перед какими трудностями, чтобы поближе познакомиться с ним. Язык требовался мне только для выживания, важно было не утратить языковой чести» [Брежна, 2014: 147-148]). Здесь героиня сравнивает говорящего человека с музыкальным инструментом, а чужой язык с плохой музыкой: „Ihr Resonanzboden füllte nicht den ganzen Körper aus wie bei der Muttersprache. Meine Stimme in dieser Sprache war hoch wie die der Kastraten. Ich rief ihr zu, herunterzukommen. Doch

sie blieb oben“ [Brezna, 2012: 114] («Его декой – в отличие от родного языка – было не все тело. Голос мой на этом языке звучал высоко, как у кастратов. Я звала его вниз, но он не спускался» [Брежна, 2014: 147]). На уровне социального «Я» героиня преодолела дискурсивную границу, но на уровне личного «Я» она осталась в пространстве только своего языка.

Еще одной дискурсивной границей, переход которой приводит к более быстрой адаптации, являются типичные проявления культурных категорий, описанных в теории Э.Т.Холла [Hall, 1990]. Наиболее ярко проявленной в тексте культурной категорией является отношение того или иного народа к пространству. Пространственные рамки буквализируют метафору дискурсивных границ. Описывая различные культурные проявления в разных странах, повествователь использует оппозиции, чтобы наиболее наглядно показать разницу культур. Так происходит и с описанием роли пространства в жизни: „ Die Wiesen waren zerstückelt durch stromgeladene Zaüne, Kühe weideten hinter Privat-Schildern. Bei uns gab es weite Felder bis zum Todesstreifen“ [Brezna, 2012: 22]) («Луга огораживала проволока под напряжением, коровы паслись за табличками «Частная собственность». У нас же поля необозримо простирались до полосы отчуждения» [Брежна, 2014:30]); „Bei uns war alles durchlässig, die Türen der öffentlichen Toiletten ließen sich nicht schließen“ [Brezna, 2012: 35] («У нас все было доступно, даже двери общественных туалетов – и те не закрывались» [Брежна, 2014:50]). Значение закрытости-открытости, близкого и далекого выражает антонимическая лексика: „Privat-Schildern“, „zerstückeln“, „ Todesstreifen“ vs «weit“, „öffentlich“. Территория своего – открытая и широкая, чужое – закрыто, незнакомо и узко. Сам нарратор переносит пространственную метафору на уровень социальных отношений: „Grenzen überschreitende Gefühle standen im Verdacht, den Privatbesitz enteignen zu wollen <...> Der Körper war Privatbesitz hinter einem unsichtbaren eisernen Vorhang“ [Brezna, 2012: 22-23] («Чувства, выходящие за рамки, вызывали подозрение в желании покуситься на собственность <...> Тело было частной

собственностью за незримым железным занавесом» [Брежна, 2014: 31]). В таком отношении к реальным границам между частной и общественной жизнью, а также к ранее описанным диалектам, проявляется более жестко регламентированная реализация оппозиции «свой-чужой» в принимающей культуре: четко очерчена граница не только между своей и иной культурой, но и внутри своей.

Кроме отношения к пространству дискурсивную границу представляет отношение ко времени: „Manche kannten ganze Zug- und Busfahrpläne auswendig. Bald galt ich als unzuverlässig, als unfähig, mir die Öffnungszeiten der Fremdenpolizei zu merken. Wer wusste bei uns schon, wann wir gekommen waren und wohin wir gehen würden. Mit Sprüchen haben wir die Zeit vertrödelt“ [Brezna, 2012: 28] («Некоторые наизусть знали график движения поездов и автобусов. Вскоре я прослыла неблагонадежной, неспособной запомнить часы работы иммиграционной полиции. Кто у нас знал, когда мы приедем и куда движемся? Время мы тратили на болтовню» [Брежна, 2014: 39]). Личное отношение героини к таким моделям поведения реализуется в оценочной лексике: „Stieß ein Gast ungeladen dazu, nannte man es einen Überfall“ [Brezna, 2012: 29] («приход в гости без предупреждения приравнивался к акту агрессии» [Брежна, 2014: 41]); „Aber das Erzählen war sowieso keine einheimische Stärke“ [Brezna, 2012: 30] («дар рассказчика вообще не относился к достоинствам здешних обитателей» [Брежна, 2014: 41]); „Hier herrschte das System, und ich war der pure Zufall“ [Brezna, 2012: 52] («здесь царила система, а я была чистой случайностью» [Брежна, 2014: 73]). Широкое употребление оппозиций, антонимической лексики, а также местоименного дейксиса „wir-sie“, „hier-dort“ иллюстрирует сохранение дискурсивной границы культурных сценариев. Героиня сама вербализует свое желание оставаться перед этой границей, не переходя ее: „Da hatten sie mir Zuflucht in der besten aller Welten geboten, und die undankbare Fremde verspottete ihre Weltanschauung“ [Brezna, 2012: 34] («Они раскрыли передо мной лучший из миров, а неблагодарная чужестранка высмеивала их мировоззрение»

[Брежна, 2014: 49]). Она не желает преодолевать культурный барьер ни на уровне личного, эмоционального «Я», ни на уровне социального «Я»: „Ich blieb störrisch und weigerte mich, in der Zwangsehe mit dem Gastland glücklich zu werden“ [Brezna, 2012: 35] («Но я сопротивлялась и отказывалась видеть счастье в принудительном браке с чужой страной» [Брежна, 2014: 50]).

Таким образом, оппозиция «свой-чужой», реализующаяся в процессе межкультурного взаимодействия, в тексте репрезентирована в виде двух пространств: как реальная территория и как ментальный продукт рефлексии. Любая ситуация столкновения с чужим приводит к четкому осознанию препятствия, границы – настоящей пространственной или же ментальной, дискурсивной черты. Такие границы проявляются на разных уровнях социального и культурного общения. Например, необходимость использования чужого языка создаёт у героев романа чувство дискомфорта. Чужестранцы, овладевшие новым языком, переходят этот барьер и расширяют своё социальное пространство. Столкновение двух культур, выражающееся в отношении к некоторым культурным параметрам, тоже становится дискурсивной границей, которую многим мигрантам сложно преодолеть. Постепенный процесс ассимиляции позволяет им познакомиться с особенностями новой культуры, а также научиться следовать им. Но социальное, внешнеповеденческое принятие чужой культуры не всегда свидетельствует о личном, внутреннем комфорте. Преодоление дискурсивных границ, ведущее к трансформации чужого в свое, можно считать законченным, когда личность осуществляет такой переход на уровне как социального Я, так и Я внутреннего.

2.2.2. Формирование вторичной языковой личности

Ситуация межкультурного общения всегда предполагает столкновение со сферой «чужого»: чужой культуры, чужих моделей поведения, чужого языка. Процесс адаптации в другой культуре занимает долгое время,

поскольку необходимо выучить не только язык, но и освоить основные концепты, представления, ценности новой культуры. Вся совокупность таких представлений о мире, определённый способ восприятия и устройства мира, концептуализацию действительности получила название картины мира, а отражение этой совокупности в языке называют языковой картиной мира.

Е.С. Яковлева под языковой картиной мира понимает ««зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности, <...> это своего рода мировидение через призму языка» [Яковлева, 1994: 47]. Понятие языковой картины мира стало продуктом этнолингвистических исследований, и тесно связано также с культурной антропологией, психологией, социологией, когнитивными науками.

Первые попытки изучения языковой картины мира восходят, с одной стороны, к трудам В. Фон Гумбольдта [Гумбольдт, 1984] и Л. Вайсгербера [Вайсгербер, 1993] о внутренней форме языка, а с другой стороны, к идеям американских этнолингвистов, в частности, к гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира [Сепир, 1993] и Б. Уорфа [Уорф, 1960]. Их работы акцентируют внимание на изучении внеязыковых реалий, бытия, мира через слово. Одной из главных целей описания языка становится исследование языковой картины мира. Язык при этом рассматривается как средство оформления и объективации знаний о мире, как внешнем, так и внутреннем. Именно язык, по словам В. фон Гумбольдта, «есть орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль» [Гумбольдт, 2000: 49]. Язык играет ключевую роль в развитии личности, в формировании системы концептов, в которой собран весь опыт поколений.

Языковая картина мира – одна из ключевых категорий этнокультуры (Hutchins, 1980; Wertsch, 1985). Это значит, что языковая картина мира определяется ценностно-семантической матрицей мировоззрения этноса, который через нее интерпретирует окружающий мир, используя

семантического пространства языка (Casson, 1981; D'Andrade, 1981). И, как результат, образуется коллективно сформированная модель мира, наполненная личностными смыслами и знаниями, отражающая не только реальный мир, но и «возможные». В. И. Постовалова подчеркивает: «Люди воспринимают мир, наблюдают за ним, изучают и концептуализируют его, интерпретируют, живут в нем и конструируют «возможные миры» [Постовалова, 1988: 14]. Следовательно языковая картина мира формируется из нашего опыта путем соединения разнообразных результатов человеческого взаимодействия с объективной действительностью. Как заключает А.Н. Леонтьев, «картина мира включает в себя как непосредственное, ситуационное отражение мира, так и сознательное, внутреннее» [Леонтьев, 2001: 260-271].

Работа «Русская языковая картина мира и системная лексикография» (2006) демонстрирует современное представление о языковой картине мира. Любой естественный язык отражает определенный путь восприятия и организации (= концептуализации) мира. Все отраженные понятия, смыслы формируют некую универсальную систему взглядов, коллективную философию, которая зафиксирована у всех носителей языка. Процесс концептуализации действительности обладает и универсальными и специфическими национальными особенностями. Например, носители других языков могут смотреть на мир немного иначе, через призму собственного языка.

В современной русскоязычной лингвистике развивается направление, изучающее русскую языковую картину мира в рамках комплексного подхода: это лингвистический, культурологический, семиотический анализ лингвоспецифических концептов русского языка в межкультурной перспективе (работы Ю.Д.Апресяна, Н.Д.Арутюновой, А.Вежбицкой, Анны А.Зализняк, И.Б.Левонтиной, Е.В.Рахилиной, Е.В.Урысон, А.Д.Шмелева, Е.С.Яковлевой и др.).

Картина мира – это сложный ментальный феномен, формирующийся в раннем детстве для того чтобы человек мог ориентироваться и выживать в мире. Такая многослойная структура содержит в себе все знания об устройстве мира в форме концептов и/или представлений. Картина мира в конкретном обществе представляет собой инвариант индивидуального мировоззрения, что дает нам возможность говорить о культуре общества как о целостном феномене, в то же время включающим в себя все мировоззрения в связанное «цветущее многообразие» [Siroka, 2013: 297].

В лингвокультурологических исследованиях языковая картина мира рассматривается как базовая категория, помогающая обнаружить универсальное и индивидуальное знание, которые проявляются в вербальной и когнитивной деятельности человека. Однако языковая картина мира сложна для анализа из-за своего разнообразия, нечеткости и неопределенной структуры. Чтобы решить эту проблему необходимо, во-первых, определить природу языковой картины и пути, имеющие отношения к общим концептам, то есть найти «работающие» элементы для исследования. Лингвофилософы разделяют научную и наивную картины мира (Bartminski, Zinken, 2009, Апресян, 2006). Работы в области лингвокультурологии акцентируют внимание именно на последней. Структурированные знания о мире, зафиксированные семантически и грамматически, образуют языковую картину мира, которая считается особым источником, участвующим в процессе изучения мира человеком. Это позволяет интерпретировать восприятие в динамической ретроспективе.

Одним из основных аспектов языковой картины мира является понятие языковой личности, которая формируется в течение процесса социализации. Как замечает Н. Гальскова, «результатом любого языкового образования должна явиться сформированная языковая личность, а результатом образования в области иностранных языков – вторичная языковая личность как показатель способности человека принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации» [Гальскова, Гез, 2006: 65]. Изучая новый

язык, человек уже через средства языка сталкивается с другой картиной мира. Процесс адаптации к новой культуре приводит иностранца к усвоению как языка, так и ценностей, традиций этой культуры. Изучение чужеродных культурных концептов открывает доступ ко вторичной картине мира – когнитивной и языковой.

В работе В.П. Федоровой [Федорова,2004] подчеркивается особая роль нарратива в условиях формирования вторичной языковой личности: «Наррация как акт порождения нарратива является одним из способов формирования вторичного социокультурного сознания языковой личности» [Федорова, 2004: 187]. Таким образом, исследуемый нами ксенонарратив о процессе адаптации является также способом формирования вторичной языковой личности героини – на внутритекстовом уровне повествования – и автора – на внешнетекстовом.

Процесс формирования вторичной языковой личности во многом повторяет модель первичной языковой личности, описанной Ю. Карауловым. Ученый различает три уровня в структурной модели:

- вербально-семантический уровень (или структурно-системный). На этом уровне основными единицами выступают слова как часть вербальной ассоциативной сети. Отношениями между ними являются семантические, грамматические или парадигматические связи;

- лингвокогнитивный (или тезаурусный). В качестве единиц выступают понятия, концепты, идеи, формирующие у языковой личности более или менее упорядоченную картину мира, содержащую иерархию ценностей;

- прагматический (мотивационный) уровень. Элементы этого уровня относятся к сфере интенции личности [Караулов, 2002: 35-37].

Похожий процесс освоения новой, вторичной, языковой личности проходит и героиня исследуемого романа – девочка-подросток, которая вместе с семьей эмигрировала из Чехословакии в Швейцарию. В новой стране она сталкивается с необходимостью усвоить новый язык и новую культуру, а также пройти процесс адаптации.

Она осознает необходимость овладения новыми культурными стандартами, но эмоционально противится этому: „Seit ich meine weite Haut der Gemeinschaft verloren hatte ich mich in enges Selbstmitleid, verkroch mich ihm Groll gegen das Unvertraute“ [Brezna, 2012: 18] («Утратив широкую защитную оболочку родины, я закуталась в жалость к самой себе, ожесточилась к непривычному окружающему миру» [Брежна, 2014: 23])

Метафора «оболочка родины», которую потеряла героиня – ее первичная культурная идентичность и языковая личность. Теперь ее идентичность потеряна и девочка должна заменить ее на новую «оболочку».

Её первоначальный отказ принимать новые поведенческие модели вызывает у окружающих неприязнь и агрессию. Так она описывает проблемы на своем первом рабочем месте в качестве разносчицы газет: „«Bücken sollte ich mich, die Zeitungen behutsam auf die Türschwellen legen, leise auftreten, unauffällig gekleidet sein, schließlich stünde ich auf der untersten Sprosse der sozialen Leiter, die Rollen sollten nicht durcheinander greifen <...> Ich ging weiterhin im Morgengrauen aufrecht hinter dem Wägelchen, die Haare offen, während sich die Klagen der Villenbewohner im Büro des Chefs stapelten“ [Brezna, 2012: 23] («Мне надлежало наклоняться, осторожно класть газеты на порожек, шагать тихо, одеваться неброско, ведь я стояла на нижней ступеньке социальной лестницы, и выходить из роли нельзя было ни при каких обстоятельствах <...> А я по-прежнему ходила позади тележки с распущенными волосами, отчего на столе у начальника скапливалось всё больше жалоб от владельцев вилл» [Брежна, 2014: 32]). Распущенные волосы, как у героини, – были символом свободы, и всё свободное поведение девочки оценивалось негативно. Процесс становления новой языковой личности неизбежно связан с агрессией носителей этого языка как родного. Это может быть вызвано низким уровнем эмпатии, нежеланием понимать сложности культурной адаптации.

Процесс усвоения культурных особенностей чужой страны довольно долгий, гораздо быстрее чужестранцы осваивают лексику и грамматику нового языка.

Первый этап формирования вторичной языковой личности героиня описывает в соответствии с теорией Ю. Караулова. На вербально-семантическом уровне нарратор овладевает знаниями не только о грамматике и лексике, но и о стилистических и диалектных особенностях чужой речи: „Man hängte gerne „gell“ und „oder“ an, damit nicht der Eindruck entstand, man gäbe mit eigenem Wissen ungebührlich an und wollte eine demokratische Diskussion unterbinden. „Gell“ und „oder“ nach jedem Satz stimmten die Gesprächspartner freundlich, sie verrieten einen höflichen Menschen, der fähig war, an sich selbst zu zweifeln“ [Brezna, 2012: 76] («Предложения часто подытоживались вопросительными «ладно» или «верно», чтобы не создавалось впечатления, будто у кого-то переизбыток знаний и он хочет воспрепятствовать демократической дискуссии. «Ладно» и «верно» настраивали собеседников на дружелюбный лад, обнаруживали вежливость и способность подвергать собственные слова сомнению» [Брежна, 2014:91]). Глубокое знание языка помогает героине в дальнейшем процессе социальной адаптации: она становится переводчиком. Профессиональные навыки она демонстрирует в работе с клиентом – беженцем из её страны, попавшим в зал суда: “Ich schmücke seine Rede aus, füge «verehrtes Gericht» und «Eurer wunderbares Land» hinzu” [Brezna, 2012: 20] («Я украшаю его речь, добавляю «высокоуважаемый суд» и «вашу замечательную страну» [Брежна, 2014:26]). Она знает, что несоблюдение необходимых коммуникативных правил на этом языке может привести к недопониманию или коммуникативной неудаче.

Преодоление языкового барьера как первый этап адаптации к новой культуре не проходит у героини отдельно от усвоения культурных особенностей поведения, или новых культурных категорий (в терминологии Э.Т. Холла). Она реализует вторую ступень становления вторичной языковой

личности – лингвокогнитивный. Героиня осваивает новые культурные понятия и концепты.

В процессе социальных взаимодействий, бытового общения она познает новые культурные модели. Осмысление обыденных ситуаций позволяет ей выявить устойчивые когнитивные и культурные ценности, непривычные и непонятные для чужестранки.

Например, еще девочкой героиня видит разницу в воспитании детей в чужеродной культуре: „... Säuglinge waren ein Teil des Familienbesitzes, man legte sie nicht in fremde Arme. Sie bekamen lange Namen, als wären sie Wunderträger, die man siezt“ [Brezna, 2012: 33] («... младенцы были частью семейного имущества, в чужие руки их не давали. Имена у них были длинные, как у сановников, к которым непременно полагалось обращаться на «вы» [Брежна, 2014: 47]). Детство представляется рассказчику временем свободы, непосредственности и искренности: „Die Kinder gehörten noch der Wildnis an, mit ihnen würde ich nackt und verspielt sein dürfen, ohne ein hartes Kulturkorsett“ [Brezna, 2012: 33] («Дети еще близки дикой природе, с ними я могу быть свободной и непринужденной, могу сбросить тяжелый культурный корсет» Брежна, 2014: 47)). Однако родители не проявляют горячей ласки, нежных чувств, к которым привыкла героиня в родной культуре, они лишь ограничивают мир ребенка запретами: „Ich wartete darauf, dass die Eltern das Verbot sogleich in der Luft zerreißen und in Lachen ausbrechen würden <...>Aber sie hielten ihr Wort und rissen das Verbot nie in Stücke“ [Brezna, 2012: 34] («Мне верилось, что родители тут же снимут запрет, развеют обстановку веселым смехом <...>Но они были верны своему слову и никогда не снимали запретов» Брежна, 2014: 48)).

Наблюдая за детьми на детской площадке, героиня понимает, как с самого раннего возраста воспитываются в них черты индивидуализма: „Im Sandkasten ermahnten sie ihre Sprösslinge:

- Das ist nicht dein Eimerchen, gib es dem anderen Kind zurück. Spiel mit deinem Eimerchen, ich habe es für dich gekauft.

Drückte ein Kind sein Eimerchen an die Brust, sagten sie löblich:

- Das Kind lernt mein von dein zu unterscheiden, es entwickelt sich prächtig“

[Brezna, 2012: 34]

(«В песочнице они поучали своих отпрысков:

- Это не твое ведро, верни его. Играй со своим ведром, я же тебе его купила.

Стоило ребенку прижать ведро к груди, как сразу слышалась похвала:

- Молодец, учится отличать свое от чужого» [Брежна, 2014: 49]).

В новой для нее индивидуалистской культуре такие поведенческие модели обыкновенны, привычны, но героине сложно перестроить свое поведение.

Это чувство собственности, эгоистичные, на ее взгляд, привычки затем она видит уже повсюду: „Es galt als unanständig, blank zu sein und die Freundschaft zum Geld borgen zu missbrauchen“ [Brezna, 2012: 86] («Остаться без денег считалось предосудительным, и нельзя было использовать дружбу, чтобы занять их. Ведь лучшим другом все равно оставался Кантональный банк» [Брежна, 2014: 106]).

Множество коммуникативных ситуаций дает новые знания о чужой культуре, однако большинство из них рассказчица не принимает для своего поведения, а продолжает свободно вести себя, не обращая внимание на удивление и непонимание окружающих.

Повествование об особенностях чужой культуры не только формирует лингвокогнитивный уровень вторичной языковой личности героини, но и передает этот опыт читателям, знакомящимся с этим процессом становления новой языковой личности. Поэтому функция формирования языковой личности расширяется с индивидуального опыта повествователя до коллективного опыта читательской аудитории.

Согласно Ю. Караулову, на третьем уровне – мотивационном, или прагматическом – человек способен успешно удовлетворять «коммуникативно-деятельностные потребности». Однако А. Гаврилина замечает: «Мотивационный же уровень выходит за рамки лингвистики,

однако, именно на этом уровне более всего просматриваются черты языковой личности» [Гаврилина, 2004:2]. Это подтверждает и Н.Л. Московская: «Это сфера морально-нравственных интенций, мотивов и потребностей, сфера желаний, интересов и стремлений» [Московская, 2003: 138]. Героине удалось преодолеть языковой барьер и даже освоить чужеродные культурные концепты. Прагматическая сторона её коммуникативного поведения соответствует нормам новой страны. Однако героиня сознательно не адаптируется и не трансформируется во вторичную языковую личность до конца, она желает оставаться чужой: „Da hatten sie mir Zuflucht in der besten aller Weltengebieten, und die undankbare Fremde verspottete ihre Weltanschauung” [Brezna, 2012: 34] («Они раскрыли передо мной двери в лучший из миров, а неблагодарная чужестранка высмеивала их мировоззрение» [Брежна, 2014: 49]).

Героиня осваивает новый мир и проходит процесс адаптации, изучая новый язык, знакомясь с другими представлениями о мире, времени и пространстве, нормами поведения и коммуникации. Формирование новой культурной идентичности и вторичной языковой личности включает в себя и много недопонимания и негодования у окружающих - носителей культуры. Но иногда люди проявляют участие и готовность помочь с освоением нового. Героиня перенимает опыт своих соотечественников, также столкнувшихся с опытом эмиграции.

Нельзя сказать, что в конце романа героиня сформировала полноценную вторичную языковую личность. Она овладела базовыми концептами языка и культуры, но этот процесс бесконечен, новая картина мира будет с каждым днем пополняться новыми элементами. Героиня не закончила процесс адаптации, потому что она сознательно отказалась принимать другую коммуникативную модель. Становление вторичной языковой личности – часть сложного процесса становления новой языковой картины мира.

Таким образом, нарратор описывает ситуации взаимодействия двух культур, в которых неизбежно проходит процесс становления вторичной языковой личности. Этот процесс, как и процесс адаптации в другой культуре остается индивидуальным. Однако основные этапы, через которые проходит любой человек, изучая новый язык, остаются неизменными: лексика и грамматика, затем понимание чужеродных идей и концептов, последний этап – прагматика, освоение тактик и стратегий нового языка. Сознательное нежелание подчиняться новой языковой личности позволяет героине соблюдать все правила коммуникативного поведения, но оставаться на высшем прагматическом и концептуальном уровне в рамках первичной языковой личности.

Коммуникативный акт повествования, наррация, позволяет героине формировать собственную вторичную языковую личность, а также осмыслить этот процесс и передать этот опыт читателю.

2.2.3. Ксенонарратив как трансфер ментального опыта

Как уже было отмечено выше, теория повествования рассматривает текст как коммуникативный акт между тремя участниками: автор – герой – читатель. Коммуникация между ними происходит на разных уровнях – повествовательных инстанциях.

В анализируемом материале выявлено несколько повествовательных уровней, где коммуникация выполняет разные функции. Уровень конкретный автор – конкретный читатель в рамках нарратологии не подлежит анализу, поскольку нам доступна информация только из текста. В романе присутствуют абстрактный, неявно выраженный автор, интенции которого выражаются в словах нарратора – участника повествования. У рассказчика – взрослой женщины, ретроспективно обращающейся к своему прошлому опыту, нет явно выраженного нарратора. Она участвует в диалогах в качестве участника повествуемых событий, но в процессе

повествования нет эксплицитно выраженного слушателя, к которому она может обращаться. Отсутствие выраженности наррататора и абстрактного читателя позволяет объединить их характеристики в единый образ идеального реципиента, от которого абстрактный автор ожидает понимания.

Представление автора об идеальном читателе репрезентируется в маркерах адресованности. В работе Е.И. Бударagiной такие сигналы адресованности делятся на текстовые и языковые, эксплицитные и имплицитные [Бударagiна, 2006: 10]. Такие сигналы-маркеры, обнаруженные в тексте, могут выполнять разные функции. По словам Е.Ю. Геймбух, «специфика образа читателя определяется не столько набором средств, сколько их функциональной значимостью, вернее, многозначностью» [Геймбух, 2009: 28].

В анализируемом тексте отсутствуют традиционные эксплицитные маркеры адресата – обращения, местоимения и глаголы во 2-м лице. Функционально это может значить желание абстрактного автора расширить охват читательской аудитории, включение в процесс коммуникации реципиентов с разным культурно-когнитивным опытом.

Однако в романе часто встречаются риторические вопросы, которые выполняют функцию «моделирования в тексте аналога речевой коммуникации, диалога», а также свидетельствуют о представлении автора об адресате, о его апперцепционной базе. В романе апелляция к знаниям читателя направлена на межкультурную область – сферу понимания специфики культуры беженцев или готовности её понять. Когда героиня сталкивается со враждебным отношением местных жителей из-за её желания подкормить бездомную кошку, она спрашивает: «Wer würde es nicht füttern?» [Brezna, 2012: 40] («Кто бы пожалел ей еды?») [Брежна, 2014: 57]). Тем самым, подразумевая ответ «никто», она ожидает поддержки со стороны читателя, который также поступил бы на её месте.

Многие риторические вопросы не смогут найти ответа, и героиня знает об этом. Но форма вопроса, подразумевающая какого-либо адресата, дает ей

надежду на понимание в отсутствии успешной коммуникации: „Wo könnte ich losrennen bis zur Sonne und bis zum Umfallen privatlosschreien?“ [Brezna, 2012: 22](«Где здесь было добежать до солнца и докричаться до потери несчастного сознания?»)[Брежна, 2014: 30]).

Авторские представления о культурных знаниях читателя ярко выражаются в отборе информации. Героиня на протяжении всего повествования сравнивает особенности двух культур. Она подразумевает, что читатель не обладает полной, детализированной информацией об этих культурах, поэтому описывает бытовые или поведенческие характеристики, которые очевидны для любого носителя культуры и тем самым передает читателю личный опыт. Например, при рассказе о вечеринках в новой стране она останавливается на всех деталях: точное время в приглашениях, строго обозначенные темы разговора, сдержанность эмоций: «Die Disziplinierung wurde wohltuend spürbar, für die das Land Jahrhunderte geopfert hatte»[Brezna, 2012: 22] («Пестуемая веками дисциплина чувствовалась повсюду») [Брежна, 2014: 30]. В середине романа, после многократных речевых ситуаций в разных обстановках героиня классифицирует такой сложный для усвоения тип коммуникации, как юмор, рассказывание шуток. Она подробно описывает надлежащее качество анекдота, разные роли рассказчиков. Это специфичный, национальный вид общения резко расходится с привычным ей: „Beim Witz waren sie sträflich nachlässig, weder schliffen sie an ihm, noch gaben sie ihm eine strenge Form, noch eine raffinierte Pointe“ [Brezna, 2012: 80](«Шутя, они проявляли преступную халатность: не оттачивали острот и не придавали им строгих рафинированных форм» [Брежна, 2014: 97]).

Следующим маркером адресованности является графическое оформление текста. В структуру повествования включены вставные истории из настоящего героини – её переводческой работы с беженцами в судах и больницах. Такие истории автор выделила курсивом, они «разрывают» текст. У всего текста один адресат – абстрактный читатель. Одна из функций такого

построения текста, обращенная к адресату, – это подчеркивание разного опыта беженцев в процессе адаптации. Читатель видит одну историю – маленькой девочки, в одиночестве переживающей опыт адаптации. В качестве контраста к этой истории – несчастные судьбы других беженцев. Знакомство читателя с различными жизненными сценариями – еще один способ перенятия опыта.

Нарративная форма коммуникации позволяет героине вербализовать пережитый опыт, структурировать его и передать идеальному читателю. Благодаря хронологической организации повествования реципиенту предстает целый путь от первого адаптационного стресса к сформированной идентичности.

В начальных описаниях процесса получения опыта автор использует глаголы с семантикой познавательной деятельности: „spürte“, „hatte nicht gewusst“, „wartete darauf“, „entdeckte“ («почувствовала», «не знала», «верилось», «впервые обнаружила»).

Использование таких значений свидетельствует о неуверенном, осторожном узнавании нового окружающего мира. Такой же процесс происходит и у местных жителей, столкнувшихся с культурой эмигрантов: „ich hielt sie für verklemmt, sie mich für unberechenbar“ [Brezna, 2012: 54](«я считала их зажатыми, а они меня – непредсказуемой») [Брежна, 2014: 79]).

Кроме ментальной деятельности часто описывается эмоциональная работа в душе маленькой девочки. Первые столкновения и конфликты с чужеродным миром вызывают только негативные чувства: „wollte ich Nichts“, „im verletzbaren Dauerzustand“, „um mich an der Geselligkeit satt zu essen“, „verspottete“, „schaute mitleidig an“ («не хотелось ничего», «находясь в состоянии непрерывной ранимости», «стремясь излить свою душу», «высмеивала», «жалела»).

Частотна эмоциональная лексика со значением гнева, агрессии: „verkroch mich im Groll“, „lehnte mich dagegen auf“, „inmitten kam“ («ожесточилась», «бунтовала», «ярилась»).

Осваивая новый мир, героиня отказывается смиренно принимать непонятные ей правила, она старается отвергнуть их, сохранить свою целостность. Рассказчик использует много метафор, чтобы подчеркнуть свое эмоциональное состояние одиночества и отчужденности, например, „hüllte ich mich in enges Selbstmitleid“, „wurde ich ans Ufer geworfen“ („закуталась в жалость к самой себе», «выбросили на берег»).

В попытке проиллюстрировать состояние оторванности от привычного мира героиня сравнивает себя с неким организмом, отделенным от своей привычной среды: „Sie schoren mich kahl und verpackten mich in sterile Döschen <...>Ich war rohes Fleisch, und darüber trug ich widerborstiges Fell“ [Brezna, 2012: 41] («Они подстригли меня наголо и расфасовали по стерильным баночкам <...>Я оставалась грубой плотью, поверх которой росла колючая шерсть» [Брежна, 2014:59]).

Однако, взрослея, она больше начинает узнавать о чужой культуре, лучше понимать типичное поведение, предпочтения в стилях речи. Глаголы со значением ментального познания сменяются на глаголы осмысляющие: „lernte“, „ich brauchte eine Jahrzehnte dauernde Weltumsegelung, um sie zu erkennen“, „ich fing an, über die Grenzen zu gehen, um noch mehr Fremdheiten einzufangen, wechselte Sprache, weitete den Blick“ («поняла», «я распознала их лишь несколько десятилетий после кругосветки», «я начала переходить границы, чтобы впитывать больше чужестранного, меняла языки, расширяла кругозор»).

Чувства так же теряют агрессию и бунтарский дух: „Ich mied die einengende Art, nur emotional und nicht denkend zu vibrieren, und ach, die Intrigen“ verspottete verspottete [Brezna, 2012: 126] («Мне не хотелось слепо заходиться в чувствах и отключать разум, претили интриги» [Брежна, 2014:166]). Новая родина становится для нее тем самым местом успокоения: „Ich atmete tief, als glitte ich in etwas Vertrautes, Stilles zurück“ [Brezna, 2012: 127] («Я глубоко дышала, соскальзывая в тихую привычную среду» [Брежна, 2014:168]).

Героиня уже видит множество положительных черт в новой родине. В разговоре с соотечественниками она даже защищает их: „Rechtsstaat, Klarheit, Ausdauer, Wort und Tat als symbiotisches Paar“ [Brezna, 2012: 127](«правовое государство, ясность выдержка, слово и дело как симбиотическая пара» [Брежна, 2014:168]). Сквозная метафора «оторванного» организма развивается по пути его оживления: „Mit neuen Kapillaren baute ich Verbindungen aus“ [Brezna, 2012: 129] («С помощью новых капилляров я выстраивала новые связи» [Брежна, 2014:171]).

Конец стрессового этапа процесса адаптации она тоже способна четко осознать и отразить: „Ich habe mich mit meiner Leistung hier eingebürgert, in diesem Land für Erwachsene. So wurde ich erwachsen. Im Gerichtssaal, im Ritual um Recht und Unrecht, bekam ich ein Vaterland. Mein Mutterland hatte ich verlassen müssen, aber es lebte in mir weiter, ich habe es nie verloren“ [Brezna, 2012: 125] («Благодаря своему достижению я натурализовалась в этой стране взрослых. И выросла сама. В зале суда, в ритуальном процессе выбора между правдой и ложью я обрела отчизну. Родину мне пришлось покинуть, но она продолжала жить во мне, я никогда ее не теряла» [Брежна, 2014:165]).

Опыт соотечественников также фиксируется автором романа. Негативный опыт преступности, наркомании, нищеты, прочно связанный с опытом мигрантов, представлен во вставных историях.

В основной части рассказа собственным опытом делится с героиней подруга Мара: „Mara empörte sich:Haben wir unser Land verlassen, um die Freiheit zu bekommen, zwischen giftigen Putzmitteln zu wählen?“ [Brezna, 2012: 11](«Мара возмущалась: Неужели мы бросили родину ради свободы выбора между чистящими средствами?»[Брежна, 2014: 14]).

В таких рассуждениях о новом для них демократическом строе и культуре потребления героиня согласна со своей подругой и высказывает похожие мысли, близкие всем эмигрантам начального периода адаптации:

„Da die Dinge in der Demokratie in der Mehrheit waren, hatten sie Macht, und die Menschen dienten ihnen und priesen sie mit der Zahl 9,99 und deren Variationen an“ [Brezna, 2012: 13] («А поскольку вещи при демократии составляли большинство, то и власть была у них: люди служили им и высоко ценили их числом 9,99 и его вариациями» [Брежна, 2014: 17]).

Однако рассказчица не идет по пути своих сограждан, судьба Мары тоже отлична: подруга быстро осознает цену своей красоты и пользуется ей, успешно овладевает языком и разными стилями, полностью ассимилируется в чужой культуре. В конце повествования читатель узнает о смерти Мары в автокатастрофе. Подробно описанная в романе история Мары дает читателю представления о разных жизнях эмигрантов, о роли их выбора в процессе адаптации.

Таким образом, перечисленные сигналы адресованности в нарративе направлены на передачу ментального опыта героини читателю. Сформированный в сознании автора реципиент – это человек, не обладающий конкретными знаниями о процессе адаптации, культурных особенностях и трудностях межкультурного взаимодействия. Однако это сочувствующий читатель, способный понять действия маленькой героини и сочувствовать другим беженцам. Автор передает собственный опыт через детальное описание чужеродной культуры, рассказы о различных судьбах беженцев. Она иллюстрирует динамичный процесс адаптации через хронологическую структуру нарратива – показывает изменения своей личности на языковом, социальном и эмоциональном уровнях.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Ксенонарратив как центральный дискурсообразующий элемент литературно-нарративной коммуникации обладает рядом специфических функций, реализующихся в романе “Die undankbare Fremde”. Центральной интенцией автора данного ксенонарратива мы считаем минимизацию стресса адаптации, она прослеживается на всех уровнях повествования, во всех выявленных функциях. Первой функцией романа является самоидентификация автора. Героиня, описывая опыт межкультурной адаптации, пытается осознать собственную культурную и социальную идентичность. Следующая функция – формирование вторичной языковой личности. Процесс освоения языковых и культурных особенностей новой страны неизбежно приводит мигранта к трансформации его языковой картины мира. Это связано и со следующей функцией – преодолением стереотипного представления о культуре мигрантов у читателей романа. Через описание культурно-конвенциональных особенностей автор объясняет специфику своей и чужой культур. Последняя основная функция, характерная для романа, - трансфер ментального опыта. Автор делится с широким кругом читателей своим опытом через повествование о событиях в своем опыте и жизни других мигрантов, через эмоциональную оценку происходящего. Перечисленные функции, вербализованные через ряд отличительных языковых средств, позволяют не только героине как абстрактному автору, но и реальному автору текста осмыслить личный опыт межкультурного взаимодействия и пережить процесс адаптации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках настоящей магистерской диссертации были выявлены основные характеристики и функции такого сложного феномена, как литературно-нарративная коммуникация, а также центрального звена такой коммуникации – ксенонарратива – повествования о чужеродности. Основные результаты могут быть сформулированы следующим образом:

1. Нарратив – сложное понятие, исследуемое разными научными дисциплинами. Однако любой нарратив характеризуется наличием повествующего субъекта – нарратора, а также референтного плана – того, о чем рассказывают

2. Процесс литературно-нарративной коммуникации рассматривается с двух точек зрения: коммуникации на разных повествовательных уровнях, вне и внутри текста, между автором и читателем. Кроме этого большое внимание в коммуникативно-дискурсивном направлении в нарратологии уделяется прагматическому аспекту коммуникации – интенциям и устремлениям автора.

3. Дискурсообразующим элементом литературно-нарративной коммуникации является ксенонарратив – повествовательный текст о чужеродности. Специфика описания межкультурного взаимодействия требует от ксенонарратива выполнения особых функций.

4. Функции ксенонарратива вербализуются в тексте на разных языковых уровнях через использование языковых элементов, а также через описание культурно-конвенциональных особенностей. Комплекс таких коммуникативно-языковых средств для рефлексии процесса адаптации и вербального трансфера пережитого опыта с целью преодоления негативной аккультурации назван дискурсивной обработкой.

5. Центральная интенция автора ксенонарратива – минимизация стресса адаптации. Автор через описание собственного опыта чужеродности и его осмысления стремится пережить процесс освоения новой культуры.

6. Опыт столкновения «своего» и «чужого» заставляет героиню осмыслить собственную идентичность. Идентификационная функция проявляется через описание дискурсивных пространственных границ, а также разграничение языковых, ментальных и поведенческих паттернов.

7. Адаптационный процесс, в первую очередь, проявляется в освоении нового языка, а вслед за этим – в формировании вторичной языковой личности. Ксенонарратив иллюстрирует процесс трансформации языковой картины мира героини.

8. Литературный ксенонарратив выполняет функцию вербального трансфера опыта читателю. Автор рассказывает о ситуациях личного взаимодействия с чужой культурой, о таких историях у других мигрантов, оценивает специфику иной культуры, демонстрирует динамичный процесс адаптации и тем самым делится социальной рефлексией и индивидуальным опытом с широкой читательской аудиторией.

9. Ксенонарратив с точки зрения формальной организации и содержательного наполнения – это способ дискурсивной обработки культурной чужеродности и вербальный трансфер социальной рефлексии этой чужеродности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева К.А. Маргинальные формы организации структуры и семантики современного нарратива // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 4. С. 118-123.
2. Артёмова Т.В. Нарратив как компонент риторической стратегии обвинительных речей А.Ф. Кони: дис. ... канд. филол. н. Кемерово, 2008. 232 с.
3. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 40–52.
4. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы 19-20 вв. М., 1987. С. 387-422.
5. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 196–238.
6. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. 543 с.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
8. Белая Г.В., Симонов К.И. Гносео-онтологическая интерпретация дихотомии «нарратив/текст» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 4 (5). С. 1250–1258.
9. Белецкий С.Б., Куликова Л.В. Патернализм в институциональной коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 182 с.
10. Белоусова А.Е. Повествовательные инстанции в нарративных текстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 605. С. 14–22.
11. Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: дис. ... доктора филол. н. М., 2005. 404 с.

12. Бударagina Е.И. Средства создания адресованности в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2006. 21 с.
13. Вайс Д. Депутаты любят цитаты: ссылки на ксенотексты в Госдуме // Русский язык сегодня. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. Вып. 5 : Проблемы речевого общения. С. 64–75.
14. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 1993. 232 с.
15. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о чужом // Логос. М., 1995. № 6. С. 77–94.
16. Веселова И. С. Нарратология стереотипной достоверной прозы // Русский фольклор в современных записях [Электронный ресурс]. URL: http://www.folk.ru/Research/veselova_narratolog.php(дата обращения: 13.02.2016).
17. Выготский Л.С. Мышление и речь. Соч. М., 1982. Т. 2. Педагогика. 504 с.
18. Гаврилина, А. А. Роль и место мотивационного компонента в структуре языковой личности. Ставрополь, 2004.
19. Гальскова Н. Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
20. Геймбух Е.Ю. Образ адресата в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева // Вестник МГПУ. 2009. № 2(3). С.27–34.
21. Глушкова Ю.Н. Категория проспекции и её нарушение в нарративе новеллы: дисс... канд. филол. наук. Челябинск, 2002. 170 с.
22. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
23. Дейк ван Т.А, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.,

1988. 28 с. [Электронный ресурс]. URL: www.philologos.narod.ru/ling/djik.htm
[Дата обращения: 31.01.16].

24. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В.В. Петрова; Под ред. В.И. Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 308 с.

25. Диспозиция «свой-чужой» в культуре: монография / под. ред. А.С. Кравца (ответственный редактор), В.Т. Титова, Е.Н. Ищенко, Л.И. Гришаевой. Воронеж: издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. 257 с.

26. Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 95–107.

27. Женетт Ж. Фигуры. В 2-х томах. Том 1-2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.

28. Захарова Е.П. Коммуникативная категория чуждости и ее роль в организации речевого общения // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. научн. тр. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1998. С. 87–94.

29. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Издание 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 264 с.

30. Ковшов Е.М. Социальная рефлексия: структура, формы и функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 09.00.01. Саратов, 1999. 24 с.

31. Колосов С.А. Конструирование социальной ненависти в дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2004. 18 с.

32. Куликова, Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.

33. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.

34. Левицкий А. Функциональный подход в современной лингвистике // Studia Linguistica / Київський університет. 2010. № 4. С. 31–38.

35. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
36. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.
37. Лотман Ю.М. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода («свое» и «чужое» в истории русской культуры)// Ученые записки. Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1982. Вып. 576. С. 110–121.
38. Марков Б.В. Нарратив// Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с. [Электронный ресурс]. URL: http://epistemology_of_science.academic.ru/464 (дата обращения: 01.02.2016).
39. Московская Н.Л. Формирование профессиональной компетенции лингвиста-преподавателя в интегрально-коммуникативном образовательном пространстве. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 375 с.
40. Олешков М.Ю. Дискурс и текст: нарративная интеграция смыслов // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / Отв. ред. М.Ю. Олешков. Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. 496 с. (Серия «Язык и дискурс». Вып. 2). С. 49–59.
41. Падучева Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать //Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70 № 3. С. 13–19. [Электронный ресурс]. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/ksenomarkery.pdf> (дата обращения: 15.05.2016).
42. Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: «мол», «якобы» и другие // Wiener Slawistischer Almanach. Munchen: Sagner, 2008. Sonderband 72. S. 285–311. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/8181009> (дата обращения: 15.05.2016).
43. Попова Е.А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива: дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2002. 353 с.

44. Попова Я.В. Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в институциональных дискурсивных практиках // Казанская наука: Филологические науки. Казань: Казанский Издательский Дом, 2014. №1. С. 137–141.

45. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-69.

46. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Научная редакция, текстологический комментарий И. В. Пешкова. М.: Издательство “Лабиринт”, 2001. 192 с.

47. Русская языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Санников, Е. В. Урысон; Отв. ред Ю. Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006 . 912 с. –(Studia philologica).

48. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

49. Современное зарубежное литературоведение: Страны Зап. Европы и США : Концепции, школы, термины: Энцикл. справ. / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; науч. ред. и сост.: И.П.Ильин, Е.А.Цурганова. - М.: Интрада, 1996. 656 с.

50. Степанов Г.В. К проблеме единства выражения и убеждения (автор и адресат) // Контекст-1983: Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1984. С. 20–37.

51. Сусов И.П. Функциональный подход в языкознании и прагмалингвистика // Функционально-типологические проблемы грамматики. Часть 2. Вологда, 1986. С. 132–133.

52. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие /Вступ. статья Н.Д. Тамарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. М.: Аспект Пресс, 1999. 334с.

53. Трубина, Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы : материалы к специальному курсу. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 104 с.
54. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» Чехова). Тверь: Твер. гос. ун–т, 2001. 58 с.
55. Уорф, Б.Л. Наука и языкознание // Зарубежная лингвистика 1: Новое в лингвистике: Избранное / пер. с англ. Ю.К. Лекомцева, общ. ред. В.А. Звегинцева и Н.С. Чемоданова. М.: Изд. группа «Прогресс», 1999. С. 92-106.
56. Уфимцева Н.В. Русские свои или чужие: взгляд европейцев // Бытие в языке: сб. научн. трудов к 80-летию В.И. Жельвиса / под науч. ред. д-ра филол. наук, проф. Т.Г. Кучиной. Ярославль: изд-во ЯГПУ, 2011. С. 234–238.
57. Федорова В.П. Формирование нарративной компетенции как способа моделирования вторичного языкового сознания (английский язык, языковой вуз): дис. ... канд. филол. н. Москва, 2004. 194 с.
58. Чаплыгина И.Д. Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке: дисс. ... докт. филол. наук. М., 2002. 518 с.
59. Шипилов А.В. «Свои», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 568 с.
60. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 383 с.
61. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
62. Шуников В.Л. "Я"-повествование в современной отечественной прозе: принципы организации и коммуникативные стратегии: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 195 с.
63. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

64. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
65. Bartmiski J., Zinken J., Aspects of cognitive ethnolinguistics. London: Equinox Publishing Ltd, 2009. 272 p.
66. Bausinger H. Das Bild der Fremde in der alltagskultur // Universitas 43. 1988. H.2. № 9. S. 946.
67. Bootzin R.R. Psychology today: An introduction / R.R. Bootzin, G.H. Bower, J. Crocker, E. Hall. Seventh edition. New York: McGraw-Hill, Inc., 1991. 728 p.
68. Brezna I. Die undankbare Fremde. Verlag Galiani Berlin, 2012. 140 S.
69. Casson R. W. Language, culture, and cognition: Anthropological Perspectives. New York: Macmillan, 1981.
70. Chilton P. Analysing political discourse: Theory and practice. London: Routledge, 2004. 226 p.
71. Chilton P. Introduction: Themes and principles in the analysis of political discourse // Politics as text and talk: Analytic approaches to political discourse / ed. by P. Chilton, C. Schäffner. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co, 2002. P. 1–41.
72. D'Andrade R. G. The culture part of cognition // Cognitive Science. 1981. Vol. 5 P. 179–195.
73. Franzosi R. Narrative Analysis-Or Why (And How) Sociologists Should be Interested in Narrative // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 517–554.
74. Friedemann K. Die Rolle des Erzählers in der Epik Text. Darmstadt, 1965.
75. Galasin'ska A. Discursive strategies for coping with sensitive topics of the Other / A. Galasin'ska, D. Galasin'ski // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2003. P. 849–863.

76. Gudykunst W.B. Bridging differences: effective intergroup communication. Third edition. London: Sage publications Ltd, 1998. 351 p.
77. Hall E.T. The hidden dimension / E.T. Edwards. London: Anchor Books Doubleday, 1990. 217 p.
78. Hutchins E. Culture and inference. A Trobriand case study. Cognitive Science Series. 2. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980. 143 p.
79. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral version of personal experience // Helm (ed.) Essays on the verbal and visual arts. Seattle. 1973. P. 12–44.
80. Leech G.N. Semantics. Harmondsworth, 1974. 386 p.
81. Maaz H.-J. Der Gefühlsstau. Ein Psychogramm der DDR. Berlin: Argon, 1990. 243 S.
82. Miller H. Reading narrative. Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1998. P. 47.
83. Prince G.A. Dictionary of Narratology. Great Britain: Scholar Press, 1988. 126 p.
84. Riggins S.H. The research of othering // The language and politics of exclusion: others in discourse / ed. by S.H. Riggins. London: Sage Publications Ltd, 1997. P. 1–30.
85. Siroka D. A linguistic picture of the world and expression of emotions through the prism of expressive lexis // Journal of Education Culture and Society. 2013. №. 2. P. 297–308.
86. Smith B. H. Narrative Versions, Narrative Theories, in On Narrative, ed by W. J. T. Mitchell. Chicago: University of Chicago Press, 1981. P. 209–232.
87. Wertsch, J. V. Culture, communication, and cognition: Vygotskian perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.